

Елена Арсеньева Имидж старой девы

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161363
Арсеньева Е. Имидж старой девы: Эксмо; М.; 2003
ISBN 5-699-09419-9*

Аннотация

Некоторым преступникам определенно везет. Особенно если у них есть сообщники, всячески покрывающие их и делающие все, чтобы запутать следствие. Тогда убийцы умудряются исчезнуть с места преступления бесследно. А отдуваться по полной программе приходится ни в чем не повинному человеку... Да, дорого заплатил Кирилл Туманов за то, что однажды ночью шел через парк, в котором выясняли отношения мужчина и женщина. Мужчина этот вскоре оказался убитым, а Кирилл – единственным свидетелем для следствия... Но еще дороже далось Туманову знакомство с красоткой по имени Арина. Она причиняет вред всем, с кем ни встретится. Кирилл вновь встретил ее в аэропорту, улетаая в Париж. И проблемы начались – его задержали. Встреча с прекрасным Парижем отложилась на неопределенное время. А может быть, навсегда...

Содержание

Пролог	4
Александр Бергер, 27 сентября 200... Года,	6
Лариса Каретникова, 30 августа 200... года,	11
Кирилл Туманов, 28 сентября	15
Александр Бергер, 27 сентября	22
Катерина Дворецкая,	28
Кирилл Туманов, 28 сентября	32
Александр Бергер,	38
Катерина Дворецкая,	45
Кирилл Туманов, 28 сентября	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Елена АРСЕНЬЕВА

ИМИДЖ СТАРОЙ ДЕВЫ

Была бы жизнь, а смысл найдется!

С. Терентюк

Пролог

Сказать, что я – мегера, – значит просто ничего не сказать. В душе моей таится бездна коварства, алчности и зависти, а уж на язык я столь же злоехидна, как все змеи, извивающиеся на голове Медузы Горгоны, вместе взятые. Вообще у нас с Медузой Горгоной много общего. Говорят, когда я не в настроении, взгляд у меня один в один как у нее – разящий презрением насмерть и морально превращающий объект моего презрения в камень. Правда, моя предшественница уничтожала людей физически, а не морально. Жертвы моих убийственных взоров живы... за некоторым исключением. О, совсем небольшим! Столь незначительным, что об этом и вспоминать не стоит! И все-таки она была, жертва... Ну да, приходится признаться – это ведь тайное признание, не предназначенное для посторонних, я делаю его только для себя, антр ну суа дит, строго между нами, как говорят французы, а по-русски – тихо сам с собою, тихо сам с собою я веду бесе-еду...

Говорят, нет ничего тайного, что не стало бы явным. Помню, в детстве я обожала рассказ под таким названием. Про мальчика Дениску, который ненавидел манную кашу до такой степени, что однажды вылил ее за окошко с третьего или какого-то там этажа, а маме наврал, будто съел. И его чуть не вознаградили за съеденную кашу походом в цирк или в кино, а может, в театр, не помню хорошенько. Однако именно в ту минуту, когда Дениска упивался своим враньем, в квартиру вошел некий гражданин, чьи шляпа и пиджак были некрасиво залиты пресловутой манной кашей... Разумеется, ни в какое увеселительное заведение Дениска не пошел, а был подвергнут домашнему аресту и выслушал сентенцию: «Нет ничего тайного, что не стало бы явным!»

Не верьте, товарищи... Есть, есть тайное, что никогда не становится явным! Речь идет о той самой моей жертве. Догадаться, кто с ней расправился, невозможно ни практически, ни теоретически. Вот вам неразгаданная тайна номер раз. А когда я расправлюсь с сестрой – будет тайна номер два. И никто никогда не узнает разгадку – ну разве что я сама приду и кину карты на стол: вот она я, злодейка, аресту-уйте меня! Так поет Хосе в опере Бизе «Кармен». Именно с таким телячьим подвыванием: «Аресту-уйте меня!»

Сделал единственное, может быть, толковое дело в своей жизни, убил эту распутницу, – и сразу у него коленки подломились. Мужчины – слабаки! Это я усвоила еще в девятом классе средней школы, когда прочла «Преступление и наказание». Одна из лучших книг мировой литературы, мне кажется. Как психологический детектив. Только вот до чего же подкачал главный герой... Эх, Родик! Вовек бы не догадаться Порфирию Петровичу, кто кокнул старуху-процентщицу и сестрицу ея Лизавету, кабы не начал ты буквально сам на себя пальцем указывать и бляеть в душе: «Аресту-уйте меня!» Ты, бедолага, сам мечтал, чтобы тебя схватили за шаловливую ручонку. Ну а меня не схватит никто, потому что я этого не хочу и не допущу. И когда я сотру с лица земли сестрицу (свою, понятное дело, а не старухи-процентщицы!), ко мне вообще никто и никогда не подберется. Ни Порфирий Петрович. Ни УВД, ФСБ, префектура полиции, Сюрте Женераль¹ и другие-прочие внутренние

¹ Французская контрразведка.

и внешние органы России и Франции. Мое преступление останется нераскрытым. Да, вот такая я зараза, девушка ничьей мечты, хочется мне натянуть нос этим самым внутренним и внешним органам!

Вас удивляют мои убийственные, циничные характеристики в свой адрес? Ну, знаете, я ведь Дева по Зодиаку. То есть насквозь вижу не только других людей, но и себя постоянно просвечиваю, как рентгеном, лучом самокритики; выискиваю как чужие, так и свои недостатки. Дева, быть может, единственный знак, который способен не только придирчиво разглядеть соринку в глазу ближнего, но и всю жизнь будет пытаться выковырнуть то самое пресловутое бревно из своего собственного глаза. Самокритика – мое хобби, которым я настолько увлечена, что порою превращаю его в самоедство.

Именно недовольство собой и привело меня, как писали в старинных нравоучительных книжках, на путь порока. Именно благодаря этому свойству моего характера я и стою сейчас на ступеньках одного из красивейших зданий в мире – парижской «Гранд-опера» – и, как всегда, наблюдаю за развитием событий со стороны.

Тех самых событий, которые спровоцировала я сама.

Обычная история, между прочим!

Александр Бергер, 27 сентября 200... Года, Нижний Новгород

– Да я же слышал, как она орала!

– Да я же видел, как она убегала!..

Двое случайных прохожих, оказавшихся в этот поздний час на извилистой аллее рядом с Александром Бергером, потрясенно переглянулись, словно наконец сообразили, что волею безумного, а может, просто еще не совсем проснувшегося (или не совсем проспавшего!) случая они не только обнаружили в садике Кулибина труп мужчины со следами, как пишут в милицевских протоколах и классических детективах, насильственной смерти, но и в некоторой степени были свидетелями совершившегося убийства. То есть они не только жертву живьем видели, но видели и слышали убийцу! И это была женщина!

Один из свидетелей был так ошарашен, что непрестанно качал головой. Это был коренастый, несколько обрюзгший дяденька, прячущий в воротник куртки свое щекастое лицо, чем-то схожее с брыластой физиономией его пожилого бульдога.

Бульдог, видимо, устал от затянувшейся прогулки, воздуха, до краев напоенного стылой сентябрьской сыростью, и пытался если не прилечь, то хотя бы присесть где-нибудь, где помягче, на кучку палой листвы, что ли, однако ему с его коротенькой, почти неразличимой шерсткой и непристойно голым задом холодно и неудобно на сырой земле, а потому он то и дело вскакивал и тянул поводок в сторону улицы Белинского, где уже вовсю перезванивались по-утреннему частые трамваи, и даже праздному наблюдателю, а не бывшему следователю прокуратуры, каковым являлся Александр Бергер, было совершенно понятно, что там, за звенящими трамвайными рельсами, находится теплая, а главное, сухая подстилка, миска с каким-нибудь там «Педигри» или «Чаппи» – словом, дом этого продрогшего бульдога, куда тот страстно стремится попасть.

В отличие, между прочим, от его хозяина, которого и тягачом было с места не сдвинуть, не то что одной собачьей силой. Он, видать, впервые в жизни оказался в такой острой ситуации. То есть это, с его точки зрения, она была острой, а по мнению бывшего следователя Бергера, являлась вполне житейской. Ведь всякий труп кто-нибудь когда-нибудь да обнаружит. Короче, хозяин бульдога домой не спешил и, перекатывая голову с плеча на плечо, с жадностью естествоиспытателя разглядывал свою пугающую находку и бормотал:

– Ну надо же, двадцать лет здесь гуляю с собаками, а такое первый раз вижу! Здесь всегда спокойно, как на кладбище! И вот вам, пожалуйста! Правда что кладбище стало!

Точно с таким же любопытством таранился на труп другой его первооткрыватель. Этот чернявый парень лет двадцати пяти был обременен не собакой, а только грузом безмерного количества алкоголя, который нарушал его природный физический баланс. Проще сказать, парня клонило вперед-назад и болтало из стороны в сторону, как если бы в садике Кулибина вдруг разыгрался немалый шторм и парковые аллеи начали качаться, словно корабль на волне. Смазливое черноглазое лицо, чрезмерно красное и отекавшее от выпивки, казалось Бергеру отталкивающим. Впрочем, по ряду обстоятельств своей биографии, как служебной, так и личной, Бергер имел основания относиться к чернокудым красавчикам, особенно таким вот глазастым, с глубокой субъективной неприязнью, так что вполне возможно, что ничего отталкивающего в лице похмельного брүнета и в помине не было.

Чего нельзя сказать о лице трупа...

С первого взгляда стало ясно, что сей несчастный умер от удушья. Налицо были все признаки насильственной асфиксии: выкаченные глаза, раскрытый рот, багровые щеки, бесильно скрюченные пальцы. Труп еще не начал остывать, и лицо пока не изменило тех тонов,

в которые его окрасила смерть. При этом на шее мертвеца не было ни веревки, ни шарфа, оставляющих так называемую странгуляционную борозду, о которой так любят упоминать досужие детективщики. То есть женщина, которую успели заметить прохожие, не душила несчастного с помощью удавки или иного орудия убийства; не делала она этого также и голыми руками. Сине-черных отпечатков пальцев на шее мертвого не имелось, да и в любом случае затруднительно женщине задушить высокого, грузного, сильного мужчину, каким был покойник.

Но обнаружил Бергер вот что: из-под головы трупа, плотно впечатавшейся в асфальт, протекла темно-красная струйка. Ее было бы трудно заметить на голом черном асфальте, но дело в том, что рядом валялись несколько пятипалых желтых кленовых листьев, и они были запятнаны-забрызганы красными каплями. И поэтому Бергер, понижившись и напрягая зрение, заметил эту струйку. Кровь – а это, без всякого сомнения, была именно кровь – появилась от удара об асфальт. И это ставило под сомнение версию, которую Бергер выдвинул с первого взгляда: смерть от удушья. Конечно, неизвестная женщина могла сначала сбить свою жертву с ног, потом задушить, однако некоторые признаки свидетельствовали: тело, лежащее на черном асфальте, никто не трогал. Человек этот, возможно, был мертв, еще прежде чем упал! То есть его никто не душил. Однако налицо типичная картина механической асфиксии... И именно в ту минуту Бергер прозрел то, что затем безошибочно определила судмедэкспертиза: человек этот умер не от удушья, но все-таки – от удушья.

Вид трупа был ужасен, однако Бергер за время своей недолгой жатвы на ниве правосудия на многое наглядился и оставался спокойным там, где нормального человека надолго скрючило бы. Другое озаботило его сейчас: почему-то при первом же взгляде на несчастного у него возникло странное ощущение, что он уже видел этого человека. Разумеется, не таким – жутким, мертвым, а вполне живым и даже где-то привлекательным. Нет, Бергер не мог сейчас вспомнить ни где это было, ни когда, не припоминал он также, как именно выглядел сей человек, что говорил... Музыку Бергер вспомнил, вот что! Вдруг прозвучал – словно комар над ухом пролетел! – короткий музыкальный фрагмент. Оркестр, шум в партере, сверканье занавеса...

Бергер напрягся, начал шарить по эфиру памяти, но в ту же секунду волна воспоминаний была сбита внезапно и некстати завязавшимся разговором.

– Интересно знать, за что она его так? – спросил неведомо кого хозяин бульдога.

– А может, она тут вовсе и ни при чем? – угрюмо, сдавленно проговорил красавчик. – Может, она, как мы, наткнулась на труп – и с испугу бросилась наутек? Если честно, я жалею, что и сам вовремя ноги не сделал!

Что он жалел, это было видно невооруженным глазом. И Бергер подозревал, что до сих пор парень не смылся, так как боялся поддаться земному притяжению и рухнуть на асфальт. Он и говорил так сдавленно в основном потому, что едва мог справиться с пьяной отрыжкой. Непьющему Бергеру это казалось отвратительным, и неприязнь к смазливо-отталкивающему субъекту стала уже с трудом переносимой.

– Как это – ни при чем она?! – возмутился хозяин бульдога. – Что я, не видел их вместе, что ли? Шли да шли себе под ручку, потом, видать, он начал ее помогать. Финт ногу задрал под деревом, ну, я и глазел по сторонам от нечего делать. Видел, как мужик начал ее тискать, ну, она вроде была не прочь, тоже прижалась к нему, да только тут же начала вырываться, вскрикнула, потом оттолкнула мужика, замахнулась – и бежать. А он схватился за лицо, покачался да и тоже рухнул – на спину.

Вся эта жуткая история была изображена в лицах, с драматичными ужимками и прыжками, как выразился бы дедушка Крылов. На лицедея с любопытством взирали не только Бергер и красавчик, но и продрогший бульдог, коего, как стало теперь понятно, звали Финт. Этот Финт, то ли увлекшись представлением, то ли окончательно смирившись со своей уча-

стью, плюхнулся-таки голым задом на горку опавшей листвы и теперь не сводил глаз со своего актерствующего хозяина.

– Понятно, – кивнул Бергер и повернулся к красавчику: – А вы что видели?

– Да ничего, – тот вяло пожал плечами. – Слышал женский крик, стук каблуков... ничего больше. А вы почему спрашиваете? Вам что, больше всех надо? – внезапно перешел он в наступление и задал тот самый вопрос, которого, если честно, давно ожидал Бергер. Да что! Он и сам себе все это время задавал сей вопрос. И не находил ответа. Поэтому не удостоил ответом и красавчика.

– Милицию давно надо вызвать! – не унимался тот. – Стоим тут, лясы точим, время теряем!

– Ну так и вызовите! – буркнул Бергер. – Что же не вызываете? Нечего лясы точить! Идите! Вызывайте! Инициатива наказуема, понятно?

– Ну и ладно! – огрызнулся красавчик. – И вызову!

Он неуклюже покачался из стороны в сторону, словно пытаюсь сориентироваться в этом неустойчивом мире, наконец обрел равновесие и направился прочь, хоть и не вполне твердой походкой. Но вот фокус – путь свой красавчик держал не налево, к кинотеатру «Спутник», около которого имелся телефон-автомат, и не прямо, к пролomu в ограде, через который можно выбраться на улицу Горького, перебежать ее и отыскать автомат около магазина «Розовый жемчуг» или казино «Космос». Нет! Заплетаясь нога за ногу, красавчик потащился направо, в глубь парка, и весьма сомнительным представлялось, что он не заблудится в путанице аллей, а все же выйдет на Белинку в ближайшем будущем. А хоть бы и вышел! Найти на Белинке автомат – это и трезвому средь бела дня не по силам будет, не то что ночью – вдрабадан пьяному. И хотя Бергер с большим удовольствием распростился бы с красавчиком – век бы не видеть его физиономию провинциального мачо! – он понимал, что это было бы непозволительной роскошью. Мачо являлся не просто мачо – это был свидетель преступления, и Александр Бергер, который всего лишь два месяца назад распростился с должностью следователя Семеновской районной прокуратуры, с горечью ощутил, что некоторые хватательные профессиональные инстинкты в нем еще живы. Более чем живы!

А потому...

– Остановитесь, гражданин! – приказал он, с неудовольствием ощущая в своем голосе некие избыточно профессиональные, карающе металлические нотки. – Вам придется дожидаться приезда милиции.

– Ты что, на голову больной? – обернулся к нему красавчик, и по выражению его лица Бергер понял, что столь же неприятен этому перепившему типу, как вышеуказанный тип – ему. – То ему звони, то ему стой! Как я могу дожидаться приезда милиции, если ее еще никто не вызывал? Ты же меня сам отправил... Сам не знаешь, чего хочешь! Да и кто ты, спрашивается, вообще такой, чтобы тут распоряжаться?!

– Оставайтесь на месте, – проворчал Бергер. – Милицию я и сам вызову. А если вас интересуют мои полномочия, то я следователь районной прокуратуры.

– Лихо! – прошептал потрясенный хозяин бульдога. – Это ж надо – вот так в точку попасть! Во как в жизни бывает! А в детективе про такое прочитаешь – и не поверишь. Совпадение, мол! Надо же! Следователь на месте преступления! Лихо!

Бергер покосился на него, но не стал уточнять, что преднамеренно опустил перед своим званием приставку «экс». Но если в Америке все экс-президенты пользуются равным почетом с действующим (вот только что реальной властью не обладают), то почему бы русскому (пардон, российскому, ибо Александр Васильевич Бергер был русским только наполовину) экс-следователю прокуратуры не продолжать выполнять хотя бы некоторые из своих обязанностей, оказавшись в форсмажорных обстоятельствах?

Вот он и приступил к их исполнению. Достал из кармана куртки «Эриксон», откинул крышечку и набрал заветный номер 02. А когда послышалось сакраментальное: «Дежурный слушает!» – проговорил:

– Пришлите бригаду в парк Кулибина. Здесь труп. Похоже на убийство. Подъезжайте со стороны «Спутника», тут нас и увидите.

И сразу отключился, чтобы не отвечать на вопрос, кто сообщает.

Неторопливо убрал телефон, не поднимая глаз, чувствуя на себя два взгляда: пристально-восторженный – хозяина бульдога и недоверчиво-неприятный – красавчика.

– Ишь ты! – наконец проворчал этот последний. – Иди, говорит, звони! А у самого телефончик в кармане! А сам мент!

– Следователь прокуратуры, – повторил Бергер, снова опуская приставку «экс». – А теперь...

Он хотел сказать: «А теперь постарайтесь с максимальными подробностями вспомнить, как было дело, чтобы облегчить задачу работников милиции», – но не успел. Красавчик вдруг проворно повернулся на каблуках – и ринулся в глубь парковой аллеи. Причем бежал так легко, проворно и стремительно, словно это и не он только что неуклюже переминался с ноги на ногу в тщетных попытках обрести равновесие. И неведомо, чем сильнее был обескуражен Бергер – самим фактом внезапного бегства свидетеля или этой почти неведомой легкостью и скупой точностью прыжков, которые с каждым мгновением все дальше уносили красавчика прочь.

– Стойте! Погодите! Куда вы?! – воззвал он ошеломленно.

– Куда, парень? А показания давать? – вскричал рядом хозяин бульдога.

Бессмысленно! Ни риторические вопросы, ни призывы к гражданскому долгу не имели успеха. Бежать за ним? Бергер сделал такую попытку, но тотчас поскользнулся на мокрых кленовых листьях и едва не зарылся носом.

– Финт, фас! – послышался азартный крик, и в ту же минуту тугое бульдожье тело пролетело мимо споткнувшегося Бергера.

– Щас мы его! Щас! – взревел хозяин, гулко топоча кроссовками по асфальту.

Увы... Ни «фас», ни «щас» не получилось.

Стартовал Финт отменно, однако, желая сократить путь, понесся по газону, и поводок, который казался совершенно безвредным, пока пес нарезал круги по асфальту, немедленно превратился в досадную и вредную помеху и с размаху захлестнулся вокруг чахлого кленового куста, однако, каким бы чахлым этот кустик ни выглядел, он не сломался, не повалился, и, как Финт ни стремился вперед, он не мог сорвать поводок. Пока хозяин, матерясь на все лады, отцеплял пса, красавчик уже исчез из поля зрения.

Финт по-прежнему рвался в бой, однако хозяин больше его не отпустил, с досадой сказав:

– Да не брать тебе след, у тебя же нюх ни к черту!

Пожаловался Бергеру:

– Оказывается, у собак тоже гайморит бывает. Чутье намертво отшибается, у моего Финта хоть табак перед носом сыпь – даже не чихнет. А охранник из него первоклассный! – И утешающим тоном сказал: – Да вы не огорчайтесь, что этот пьянчужка сбежал: все равно он ни хрена толком не видел, сам же говорил. А я все путем разглядел, как и что было, я вам такие показания дам – закачаетесь!

Поскольку он в это время истово оглаживал огорченного Финта, Бергер не мог бы с уверенностью сказать, кого конкретно утешает хозяин бульдога: следователя или все же собаку. Однако Финт принял все на свой счет и тут же доказал, что готов оправдать доверие. Он рванул в глубь аллейки и через миг возвратился, неся в зубах что-то белое. Поднял морду к

хозяину с выражением такой гордости и преданности, что Бергер даже растрогался. В зубах у Финта был зажат смятый конверт.

Хозяин протянул было руку – взять конверт, но тут же испуганно спрятал ее за спину.

– Нет, лучше вы сами возьмите, – попросил он Бергера отчего-то шепотом. – Вы лицо официальное!

Бергер осторожно, двумя пальцами вынул конверт из деликатно сжатых зубов. Повертел так-сяк – и разочарованно фыркнул: самый обыкновенный конверт без марки, белый, согнутый вдвое. И не надписанный. Хотя нет – в графе «Куда» слабо, простым карандашом, начертаны три буквы: *txt*. Кто-то что-то начал писать, но не закончил, подумал Бергер, продолжая разглядывать конверт. Очевидно, что раньше в нем лежало что-то плотное, квадратное. Возможно, несколько согнутых пополам купюр. Но деньги оттуда вытащили и конверт за ненужностью выбросили. Не очень давно – он не успел полностью промокнуть, однако уже слегка отсырел, на нем отпечатался чей-то след, на который прилип крошечный желтый листок.

– Да, Финт, лажанулся ты, – разочарованно протянул хозяин. – Ищи давай чего-нибудь еще!

Финт снова метнулся в аллею. Новой его находкой была газета, которая явно пролежала под слоем листьев не одни сутки, потом отсыревшая конфета, пустая пачка сигарет «Vog»...

– Ищи, Финт! – радовался хозяин новому развлечению. – Ищи!

Пес метался по аллеям, Бергер смотрел на него, но думал о другом. О сбежавшем красавчике. Как мог человек, только что с видимым усилием державшийся на ногах, вдруг обрести такую легкость и ловкость движений? Что за превращение с ним произошло? По какой причине? Не мог красавчик так быстро протрезветь! Напрашивается вывод, что он вовсе не был пьян. Не был – но притворялся. И весьма искусно! Зачем? Ради чего? По какой причине? И почему пустился бежать очертя голову?

Строго говоря, в этом нет ничего особенного. Страстью к выполнению своего гражданского долга и оказанию помощи правосудию страдает куда меньшее число наших сограждан, чем хотелось бы оперативникам, участковым и следователям, поэтому вообще-то можно понять парня, который не захотел зависнуть на остаток ночи в отделении. Не хотел он также являться на допросы в милицию и прокуратуру, а потом (в случае гипотетической поимки преступника!) давать свидетельские показания в зале суда.

Да, все понятно, все допустимо, все объяснимо. Но отчего Бергеру назойливо казалось, что здесь все не так просто, что для бегства у красавчика были куда более весомые причины?

Лариса Каретникова, 30 августа 200... года, Нижний Новгород

– А на фиг мне это? – спросила Лариска, елозя по нагревшемуся сиденью и выставляя коленки, чтобы сбросить с себя мужчину. – Что мне, тут мужиков мало? Смену отработаешь, потом выйдешь вечером на улицу – и вот они, пачками прут, дверь готовы членами выбить, только успевай предупреждать: «Эй, больше очередь не занимайте! Приходите завтра! А то насквозь продырявите!»

И она захохотала, довольная своей остротой.

Мужчина наконец понял, чего она добивается, неуклюже приподнялся, стараясь не удариться задом о рулевое колесо, потом грубовато лапнул Лариску в знак благодарности и, кое-как усевшись, начал стаскивать презерватив.

Лариска хотела было разнеженно потянуться, да не тут-то было – чай, не на постели! Выгибаясь, натянула трусики, колготки. Черт с ними, с неудобствами: ей не привыкать в машине трахен-бахен устраивать. Работа такая – экстремальная. Но сегодня Лариске повезло. Редко когда попадется такой клиент: не только деньги с него получишь, но и удовольствие. Обычная клиентура живет по принципу: сунул, вынул и пошел, – а этот постарался изо всех сил, постарался, чтобы кончила Лариска, и только потом дал себе волю. Ну что ж, не все ж ей слушать, как стонут удовлетворенные мужики, можно и самой иногда кайф словить. Жаль только, что такой классный стебарь оказался сущим идиотом, когда речь зашла о бизнесе. Это ж надо, чего удумал! Предложил Лариске поехать в Эмираты! И, понятное дело, не в турпоездку, а зарабатывать. Как – тоже не больно надо напрягаться, чтобы угадать. Раздвигать ноги перед тамошними неграми! В смысле, арабами, но это Лариске без разницы, она вообще черномазых без энтузиазма обслуживает, если только уж совсем дикие бабки предлагают. У них ведь, у мусульман, причиндалы изувеченные по их варварскому обычаю, половины кайфа женщину лишают из-за этого. Нет, конечно, правил без исключений, вот этот ее нынешний клиент (назвался Русланом, а как его звать на самом деле, Лариске без разницы, вполне может быть, что и не соврал) – тоже обрезанный, тоже мусульманин. Но ему в Лариске особый интерес, вот он и старался ради нее. А там, в Эмиратах, будет ли кто ради нее стараться? Черта с два! Не-ет, на хрен они нужны, те бедуины – жители пустыни?!

– Мужиков у тебя тут – не счесть, это правда, а сколько денег? Сильно разбогатела, подруга? – не без пренебрежения спросил Руслан.

Лариска с силой втянула воздух сквозь стиснутые зубы. Это он ударил по больному месту, причем больно ударил! Разбогатеть никак не удавалось. Отнюдь не от недостатка работы! Но тетя Варя и этот ее зять Шурик такие скупердяи скупердючие! Столько у них оправданий, почему процент маленький: и за квартиры надо платить, и парням-охранникам, и ментам – за «крышу», и за вино да конфетки-закусочки клиентам, и в прачечную – ведь каждый день постельного белья сколько меняется, с ума сойти, – ну и налоги, дескать...

Про налоги это тетя Варя наверняка погорячилась – какие налоги могут быть? За какую такую трудовую деятельность? Как их фирма называется? ИЧП «Ноги шире»? ООО «Любить по-русски»? Или «Минет лимитед»? Про налоги – сущее вранье, факт. Но насчет всего остального – похоже на правду, поэтому ни Лариска, ни другие девчонки с работодателями не спорили. Просто левачили, как могли. «Салон» закрывался в полночь – если, конечно, не было заказа до утра, – ну, девки и разбрелись по району. Все таксисты, все «чайники» с автозаводских магистралей знали, что после двенадцати можно оттянуться «автостопом» по умеренной цене. Заезжали мужики и из других районов, привлеченные этой самой ценой. Если официально, на квартире, минет полсотни, а обычный секс – по

стольнику, то, когда девочки работают не на фирму, а на себя, когда в машине обслуживают, скидка до двадцати пяти процентов может дойти. Потому что это живые деньги.

Живые-то они живые... Но как приходят, так и уходят из рук. В точности как живые! К тому же Лариска была девчонка жалостливая и если видела, что у мужика не густо с бабками, а потрахать необходимо, ну, приперло до края, такое бывает! – она снижала ставки порой наполовину. Иногда и за так работала, если ей по нраву приходился клиент. Особенно она любила красивых. Попадают ведь и среди хачиков настоящие красавцы. Вот как этот, сегодняшний. Ласковый такой...

Но он, справедливости ради сказать, не просил о скидке. Оплатил все вперед по полной стоимости, на чаевые не поскупился. Побольше бы таких щедрых красавчиков! Но если одно хорошо, то другое плохо, это уж точно. И палку бросает как надо, и карман денежкой набит, однако в голове у мужика ветер гуляет. Что он молотит, что только молотит... Расстройство одно!

– Глупости все это, – сердито сказала Лариска. – Больно мы там нужны, небось своих баб несчетно, мужиков в обрез, недаром там на одного женатика целый бабский гарем приходится. На хрен им наши бляди, ну ты сам посуди?

– Дурешка, – ответил Руслан ласково, словно говорил с маленькой неразумной девочкой. – Неужели я бы стал тебе такое дело предлагать, не зная обстановки? Не с печки же я упал! Это мой бизнес – отправлять наших девочек работать за рубеж. Помогаю им стать на ноги!

– Это в смысле раком? – фамильярно ткнула его в бок Лариска и залилась смехом.

Руслан не обиделся – тоже охотно посмеялся, с некоторым усилием застегивая свои узкие, в обтяг, черные джинсы.

– Да, арабы любят неформальный секс, это ты правильно сказала. Но мужики там щедрые и богатые. Эмираты – страна дешевого золота, их женщины на улицу не выйдут, если на них как минимум пудик голды не бренчит, но они не только женам цацки покупают – на девочек тоже не скупятся. Эх, знала бы ты, претти герл, скольких я таких, как ты, вывел на счастливую дорогу, открыл им путь к роскоши! Теперь они и дома имеют, и авто, одеты как супермодели, золотишком увешаны с головы до пяток. Кто хотел, в Россию вернулись, кто хотел, продолжают делать деньги в Эмиратах, а одна из моих знакомых девочек вообще открыла в Шардже, как раз в курортной зоне, публичный дом. Маленький пока, но она расширяет дело, от инвесторов отбою нет, я сам туда кое-что вложить думаю (гарантированный доход!), и ей девчонки – такие симпампулечки вроде тебя! – позарез нужны.

Комплиментов от него Лариска сегодня наслушалась – через край. И ротик у нее ласковый и работающий, и грудь красивая, и попа аппетитная, и сама-то она симпампулечка... Женщины, известно, любят ушами, и совсем скоро Ларискино сердечко уже билось с переборами. Однако, кроме сердца и этого самого ротика (а также еще одного заветного местечка), у нее была и голова. А в голове – мозги. Поэтому, как ни сладко пел этот черноглазый соловей, она порою стряхивала лапшу с ушей и принималась возражать:

– А я слышала, будто там у девчонок забирают документы, ни фи́га им не платят, только пожрать дают, и то, чтоб только с голоду не подошли, зато их имеют все, кому не лень, хоть мужики, хоть ихние верблюды, а потом, когда наша девка копыта откинет от неумеренного употребления, ее даже в землю не зарывают, а просто выбрасывают посреди пустыни. И концы в воду!

– Тогда уж в песок! – серьезно сказал Руслан.

– Чего?

– Ну какая может быть в пустыне вода, ты сама посуди? Там вода по каплям, зато песка – хоть на экспорт увози. Поэтому я бы сказал – концы в песок.

И тут серьезность ему изменила – начал хохотать как ненормальный, аж на руль головой упал:

– Ну, наговорили тебе чепухи! Небось в каких-нибудь «Женских делах» или в «Частной жизни» такие страсти-ужасти вычитала? Все еще веришь тому, что у нас в газетках пишут? Ну верь, верь. А лучше не верить, а проверить. Советую – сама туда съезди да проверь. Тебя ведь никто прямо с трапа самолета не начнет в песок закапывать, верно? И в койку сразу не потащат. Сначала поживешь в отельчике – две звезды, правда, но все чисто, уютно, хоть номер на троих, но все удобства тут же, при вас, а не во дворе и не в конце коридора. Осмотритесь, пристреляетесь. Увидите своих будущих клиентов. И если захотите – повторяю: если захотите! – подпишете договор. Там цивилизованная страна, мужики все на белых джипах ездят, Аллаха почитают, греха боятся. Понимаешь? Не чета вашим русским козлам. В договоре будет все четко – сколько, когда, за какие бабки. Я тебе дело предлагаю, понимаешь? Ну чем, чем ты рискуешь, скажи?

– Как – чем? – вытаращилась на него Лариска. – А деньги? Это же сколько деньжищ надо, чтоб туда съездить, пожить там – хоть бы и в двухзвездочной гостинице! – пить-есть, да еще на обратный путь оставить! Мне эти деньги надо год зарабатывать. И вот я тут трахалась до дыр, сколотила монету, а потом туда приехала, все растратила – и назад через несколько дней? И опять с голой задницей осталась? Ничего себе сказал – ничем не рискуешь! Умора! Одна с тобой умора!

– Ну, ты даешь... – протянул Руслан растерянно. – За что ты меня обижаешь, а, красивая? С кем ты только общалась, что у тебя о мужчинах такое плохое мнение? Хотя среди ваших русских всякие встречаются. Так и норовят девушку обидеть, это я знаю. Но я-то не русский. И разве я с тебя каких-нибудь денег просил? Ну скажи – просил?

– Нет, – вынуждена была согласиться Лариска. – Не просил.

– Вот именно! А почему? Потому что у меня серьезный бизнес и я сам – человек серьезный и порядочный. Учти это. Если я девушку нанимаю с испытательным сроком, то, значит, все расходы беру на себя. Ведь может так получиться, что не тебе там не понравится. Может быть, это ты там не будешь пользоваться успехом. Ну, тут уж придется вернуться, ничего не попишешь. Но это будут уже издержки моего бизнеса. Мои проблемы! Ты вообще ничего не теряешь, еще раз говорю. И только если ты там находишь, так сказать, себя, если подписываешь договор, оформляешь официально все отношения, тогда постепенно возвращаешь мне кое-какие деньги. Но не все! Только стоимость билета туда-назад, а это какие-то двести баксов или около того.

– Какие-то двести баксов! – в священном ужасе повторила Лариска. – Какие-то!..

– Слушай, Лара! – сказал Руслан почти сердито. – Тебя твоя российская действительность почище безденежных мужиков затрахала. Ты все на здешние мерки переводишь. А там совсем другая жизнь. И цены другие. Если ты за один раз при самом неудачном раскладе будешь получать полсотни – баксов, а не рублей! – то что за проблема рассчитаться со мной за несколько месяцев? Да никакой. Поняла?

– Так, это я поняла, – кивнула Лариска, которая чем дальше, тем больше убеждала себя, что вся эта фигня вполне может обернуться выгодой. – А почему ты говорил: мол, поживете, осмотритесь... Ты не одну меня, что ли, туда сватаешь?

– Ты извини, Лара, но ведь я и о своих интересах думать должен, – ответил Руслан весьма любезно. – На русских девушек там чрезвычайно большой спрос, поэтому мне интересно сразу несколько красоток отправить. Тогда и билеты дешевле обойдутся, и проживание, и питание. Я же тоже не могу без штанов остаться – кто тогда ваши расходы будет оплачивать?

– Ничего, не бойсь! – снова ткнула его в бок Лариска. – Не пропадешь! Если ты без штанов выйдешь на трассу – к тебе очередь одиноких баб на иномарках выстроится, точно говорю, за одну ночь разбогатеешь – с твоими-то причиндалами!

– Спасибо, слушай... – протянул он растерянно. – Спасибо за совет. Только вряд ли у меня получится. У меня на кого попало не встанет, только на таких вот красоток, как ты.

Ох, горазд он на сладкие слова! Лариска разулыбалась до ушей, а он вдруг говорит:

– А скажи, Лара, нет ли у тебя подружек, таких же тоненьких и беленьких? Может, убедишь их составить тебе компанию, а? Мне надо бы нескольких девчонок отправить.

Лариска сначала поджала ревниво губы, а потом добродушно подумала: да пускай едут девки! Танюша Волкова девка хоть куда, Алла Свербеева тоже классная давалка и на мордашку удалась, ну, кто еще... Да можно запросто найти человек пять. Это-то не трудно! Проблема в другом!

– Знаешь что, друг хороший? – произнесла она с тяжелым вздохом. – Раскатали мы с тобой губешки, а зря. Есть одна загвоздочка.

– Какая? Неужели не найдем подходящих девочек? – недоверчиво посмотрел Руслан.

– Девочек-то найдем, с этим проблем не будет, – протянула Лариска. – Но вот с документами... с документами их нахлебаемся – мало не покажется!

– А что такое?

– Ну ведь мы все на учете в милиции, неужели не понимаешь? – с досадой, словно дитятке малому, пояснила Лариска. – Нас менты как облупленных знают. Все они – наша клиентура! Какой может быть разговор о загранпаспортах, о выезде за рубеж? Да нас близко к ОВИРу не подпустят! На пушечный выстрел!

– Лара, ты меня что, за лоха держишь? – спросил Руслан тихо и серьезно. – Неужели я не понимаю таких тонкостей? Неужели я первый раз замужем?! Да я с вашим контингентом такие университеты прошел – куда вашему Горькому! Ежу понятно, что речи не может быть о нормальном выезде. Документы я беру на себя, не беспокойся. От тебя и твоих девочек нужны будут только фотки четыре на шесть, на матовой бумаге, такие, как делают для загранпаспортов. И все, и все, ты поняла? Остальное – документы, визы, деньги – мои проблемы! В сотый раз тебе говорю – мои!

Кирилл Туманов, 28 сентября 200... года, Нижний Новгород

Они столкнулись лицом к лицу, и первым чувством Кирилла было удивление. Причем он удивился не только потому, что встретить знакомых здесь не ожидал, тем более кого-кого, эту девушку. Хотя, с другой стороны, что особенного? Если он летит в Париж, почему бы не лететь еще кому-то? Так что дело не в месте встречи. Он удивился тому испугу, который промелькнул на ее лице.

Вот уж чего-чего, а этого Кирилл не ожидал увидеть на лице женщины! Радость, восторг, восхищение, даже счастье, обожание, изумление, ревность, в конце концов, обиду, печаль, тоску неутоленную – все, что угодно, на выбор. Но испуг? И откровенное недовольство?! Она не рада *его* видеть? Быть того не может! Таких женщин, которые не рады видеть Кирилла Туманова, просто не существует в природе. Да ему, наверное, мерещится!

Так или иначе, овладела она собой довольно быстро. И теперь широко распахнула свои и без того большие серо-голубые глаза. Будто в изумлении.

– Господин учитель? – протянула она. – Какими судьбами? Тоже летите? Или провожаете кого-то? Хотя да что же это я...

Она огляделась и улыбнулась. Здесь не могло быть провожающих. Все они находились за пластиковыми перегородками, рассекающими аэропорт на две части. Там – остающиеся. Здесь – улетающие в Париж, Шарджу, Стамбул, Рим, Франкфурт, Лондон, Женеву и другие столь же заманчивые местечки. До полета еще далеко, но пассажиры чувствовали себя уже словно отрезанными от привычной жизни. Лица остающихся были для них будто смазаны разлукой. Усиливалось это впечатление из-за непрозрачных перегородок, сквозь них можно различить лишь смутные силуэты тех, кто еще бродил по аэропорту. Но таких оставалось все меньше. Какой смысл маяться в зале ожидания, чтобы помахать вслед самолету? Во-первых, тот, кого вы провожаете, не помашет в ответ и даже не увидит вашего порыва, а во-вторых, неизвестно, когда придется махать. Рейсы в Шарджу и Париж задерживаются по... техническим причинам, как объявили по радио.

Вот так цирк, а? Зачем производить регистрацию билетов, таможенный досмотр? Все застопорилось на последнем этапе – на паспортном контроле. Человек двадцать прошли его, а потом что-то случилось, будочки контролеров опустели, там погас свет, пассажиры сначала сохраняли аккуратненькую очередь, затем, устав ждать у моря погоды, уныло растеклись по накопителю. В очереди стояли только самые терпеливые. Или ленивые. Кто оказался проворнее, устроился на скамейках и развернул газетки. Кто горел желанием поскорее избавиться от баков и евро и готов был сделать это даже на родимой земле, тот отправился в лавчонки дьюти-фри. Особенно усердствовали в этом улетающие в Шарджу: ну как же, в Эмиратах ведь мусульманский сухой закон, там не очень-то разживешься хмельным. Надо запастись по полной программе! Кто берег деньги и при этом не успел занять место на скамьях, бесполокливо слонялся от стены к стене, оценивающим или равнодушным взглядом скользя по лицам встречных-поперечных или по их одежде.

Кирилл занимался именно последним. Тут у него был свой спортивный интерес. Он до сих пор не мог толком понять, нормально ли оделся для поездки в такое потрясающее место, как город Париж.

Во-первых, как-то стыдно появиться в столице моды одетым так, как ты бегал каждый день в институт, на работу или на тренировки. Хотя – если едешь в столицу моды, какой смысл выбрасывать бешеные деньги на всякое барахло, которым завалены нижегородские так называемые бутики? Уж в Париже-то наверняка прибарахлишься как надо! Даже на те

небольшие деньги, которые удалось скопить Кириллу. Известно, что встречают по одежке, и его возможные работодатели, конечно, не являются исключением. Поэтому им важен не его прикид, а его талант! И потом...

Вот в таких мучительных раздумьях Кирилл и пребывал, попеременно уверяя себя в том, что одет если не хорошо, то вполне прилично, или ощущая себя кем-то вроде охранника забубенного комка из Сормова или с Автозавода, какого-то качка – с этими их обвисшими велюровыми штанами и дешевыми кожаными куртками. Нет, куртка на нем была дорогая и штаны сидели как влитые, а все-таки... Амплитуда его колебаний зависела от того, на кого он в данную минуту смотрел: на человека, который одевался в «Хьюго Босс» или «Макс-Мара», – или на особу, обряженную в шмотки с Мещерского рынка. Влияние на его самочувствие оказывали не только мужские, но и женские наряды. Он в очередной раз испытал комплекс неполноценности, разглядывая стройную девушку в обманчиво простых, искусно вылинявших джинсиках с каким-то незнакомым Кириллу лейблом, в моднущей курточке швами наружу, в шарфике ручной работы на шее, как вдруг эта особа обернулась – и на тебе! Ее глаза испуганно заметались при виде Кирилла!

– Господин учитель? Какими судьбами? Тоже летите? Или провожаете кого-то? Хотя... да что же это я... Сидим кукуем, да?

– А вы в Париж? – спросил в ответ Кирилл. – Или еще куда-то? В Шарджу?

– Нет, я в Париж. А вы?

– И я!

– Ну и ну, вот так совпадение! – воскликнула она и повторила протяжно, будто задумчиво: – Вот так совпаде-ние... У вас тур? А как же студия? Как же работа?

– Да я как раз по работе и еду, – пояснил Кирилл. – Представляете, еще весной судил на конкурсе юниоров в ДК железнодорожников – может быть, помните, там проходил международный чемпионат? Танцевали две пары, которые я тренировал, они, правда, взяли не призовые места, а тринадцатое и четырнадцатое, но я большего и не ждал. Ребятки всего год отзанимались, это был их первый конкурс, тут главное – участвовать, результаты для них даже хорошие получились. А потом мы с французскими тренерами познакомились, они уже почтенные люди, лет под семьдесят, – семейная пара, у них своя студия. Разговорились. Очень интересный разговор получился. Они сказали, что во Франции бальные танцы не популярны, студий вроде бы много, но только в Париже, а в провинции практически нет, никто серьезно танцами не занимается, тысячи две человек по стране, а в Англии, например, которая меньше Франции, триста тысяч танцуют. Там это массовое увлечение, а во Франции – просто экзотика.

– Да ведь и у нас так же, – кивнула девушка.

– Конечно, – согласился Кирилл. – Но у нас же всегда все в последнюю очередь... Это уж так повелось... Да, так вот о Франции. Они сказали, что у них недостаток хороших, профессиональных тренеров, которые способны быть и хорошими учителями, и замечательными танцорами в одно и то же время. Посмотрели, как я танцую, побывали на моих уроках и...

Он чуточку замаялся, однако она немедленно продолжила невысказанное:

– И сочли, что вы и учитель отличный, и танцор от бога, верно?

Кирилл скромно опустил глаза. Именно так отозвались о нем мадам и месье Сарайва. И он вполне разделял их мнение. А что? Разве это не так? Выдающимся явлением в мире танца Кирилл себя не считал, конечно, но вполне знал себе цену. А также и себестоимость. Да таких тренеров, как он, еще поискать. К тому же он красив. То есть сам он иногда просто с ужасом на себя в зеркало смотрел, особенно когда прыщики ни с того ни с сего высыпали на физиономии или простуда на губах вскакивала, но не просто же так млеют при виде его многочисленные девицы? Не просто же так пялятся на него влажными от нежности глазами?

Пишут всякие записочки, обрывают телефон, осыпают маленькими милыми подарочками? Это те, кто поскромнее. А девицы с опытом вообще откровенно тащат в койку. Без всяких предисловий. И потом очень удивляются, когда он отказывается. И смеются презрительно: «А не боишься, что твой этот самый заржавеет без употребления?» Ну а Кирилл, между прочим, гораздо больше боится, что его «этот самый» от частого употребления сотрется.

Странные вообще-то существа женщины! Думают, что если у парня горячие черные глаза, отличная фигура и вообще, как теперь говорят, модельная внешность, то он однозначно стебарь-профессионал. А Кирилл в душе парень скромный. Если девчонкам нравится, чтобы он их лапал, – пожалуйста, будет лапать. Но он-то как раз предпочитает тех, кто этого лапанья сторонится...

Или ему так только кажется? Вот же обиделся на то видимое пренебрежение, с которым к нему только что отнеслась эта девушка?

Кстати, а как ее зовут? Марина? Ирина? Что-то в этом роде... Арина? Да, кажется, Арина. И насчет пренебрежения – Кирилл отлично помнил, как на занятиях она строила ему таки-ие глазки! Таким пылким взором его, выражаясь по-книжному, пожирала!.. Так вздрагивала, когда Кирилл, объясняя какое-то новое движение, небрежно обнимал ее, брал за талию, то прижимал к себе, то отстранял, приветливо, но незначаше улыбаясь и профессионально поигрывая глазами...

Все дело в его глазах, конечно. Они как-то сами по себе играют с каждой особой женского пола – даже независимо от желания Кирилла. Но ведь танец – это такая штука – интимная, можно сказать. Невозможно прижимать к себе женщину, двигаться с ней в едином ритме под красивую музыку – и не ощущать в это мгновение некоего поля, которое вас окружает и объединяет. Некоего сексуального притяжения... Кирилл не чувствовал этого лишь тогда, когда уставал совсем уж до предела. Но силушки у него было дай боже, к тому же он любил свою работу, а потому и сам ощущал эротическую силу танца – и вольно или невольно передавал свои эмоции партнерше. Движение, улыбка, взгляд из-под ресниц, пожатие руки... Этого требовал танец. И Кирилл подчинялся ему.

Вся беда в том, что женщины – существа легковверные. И эту никому конкретно не адресованную, почти абстрактную магическую мужскую силу, исходящую от Кирилла, они мгновенно проецировали на себя. Воображали, что не танец его так заводит, а они. Вернее, она – каждая конкретная девушка. Мало кто оставался после этого к нему равнодушным. Некоторые мгновенно «вспыхивали страстью» и тут же прижимались к Кириллу, елозили по нему, по всем его, так сказать, выступающим частям, и, казалось, оставались немало изумлены, что он не трахает их прямо на занятии, в крайнем случае – немедленно после оного. Другие просто молча млели, изливая свои чувства только во взглядах. Но уж это были взгляды!..

Вот и она из таких, эта самая Арина. Из тех, кто говорил глазами.

Странно, почему же она сегодня с таким ужасом тарачилась на Кирилла?.. Или это ему только показалось? Наверняка почудилось! Сейчас в ее глазах только интерес к нему и его рассказу! Она буквально ловит каждое его слово!

Между прочим, такое внимание Кирилла всегда вдохновляло. И он даже не заметил, как начал рассказывать этой Арине о предложении Сарайва поработать у них в студии тренером – для начала месяц, два, три, как раз на три месяца у него была виза, а если получится, если обеим сторонам это придется по вкусу, то задержаться на годик. Им интересна русская школа бального танца, хочется внести в преподавание иные веяния, ну а Кирилл подзаработает, посмотрит Францию...

– А вы хорошо говорите по-французски? – спросила она с придыханием.

– Да так, не очень, – отвел глаза Кирилл. – У этих Сарайва был переводчик, мы через него общались. Но я немножко спикаю по английшу. А в Париже подучусь!

На самом деле по-французски он знал десяток слов, которые знают все, преимущественно из песен: пардон, мерси боку, мадам, месье, мадемуазель, силь ву пле, же ву зем, се ля ви... Еще откуда-то прицепился авек плезир, что означает – «с удовольствием». С английским дело обстояло чуть лучше – благодаря танцевальной терминологии. Фор степ, файф степ, слип, свивл, пивот, хип-твист, виск, чиккен-вок... Эсперанто для посвященных. «Квик, квик, слоу» – оно и в Африке «квик, квик, слоу»!

Конечно, Кирилл согласился на предложение Сарайва без всяких сомнений. Только дурак не согласился бы! Язык – ерунда, дело наживное, главное – быть уверенным в своем профессионализме. А уж в этом-то Кирилл не сомневался. Это он французам нужен, а не они ему. Только посмотреть, как они танцуют! Плечи пляшут, спина вихляется... А в «Латине» стойка должна быть железная, только тогда смотрится работа корпуса и бедер. Или вот в румбе у них всегда выходит вперед бедро в «Кукараче», а ведь сначала рука должна выстреливать, рука! Когда корпус чуть-чуть опережает движение бедра, получается совсем другая картина танца. Да множество таких деталей, множество! Носок они толком не тянут, ступню не выворачивают... Короче, Кирилл видел, с чем придется работать. Поэтому он ехал не просто так – в Лувр каждый день ходить или с Эйфелевой башни на красоты Парижа смотреть. Он работать ехал! Особенно если учесть, что в Лувр его больше одного раза вряд ли затащишь...

Кирилл говорил, говорил, говорил... Наконец спохватился, что как-то невежливо это выглядит – он молотит языком без остановки, а она только смотрит да смотрит на него этими своими глазами. Причем иногда взгляд ее как бы уплывает: чувствуется, смотрит-то она на Кирилла, но думает о чем-то другом... Чем она может быть так озабочена? Или кем-то?

Этого Кирилл стерпеть не мог. И прибегнул к лучшему способу снова привлечь к себе внимание. Знаете, какой это способ – всецело завладеть вниманием женщины? Заговорить о ней самой!

– А вы в Париж в командировку? Или просто так? По путевке?

– О, я к сестре еду. У меня в Париже сестра живет. Она замужем за французом, у них вот-вот ребенок родится, ну, она и попросила меня приехать, помочь ей первое время. У меня, кстати, виза тоже на три месяца. А поскольку мне все равно по работе пришлось бы в Париж мотаться, тут совместились полезное с приятным.

«В Париж мотаться!» Как это прозвучало, с ума сойти! Устало, безразлично... Вроде даже с досадой. Так сестра Кирилла (она в областной налоговой полиции работает) говорит: «Опять придется по области мотаться!»

– А какая у вас работа? – спросил он, ощущая, что его взгляд становится все более жарким.

Это у него само собой так происходило, ей-богу, без всякого расчета! Ну что с глазами поделаешь?!

Похоже, это не осталось не замеченным Ариной. И не оставило ее равнодушной. Теперь ее глаза больше никуда от Кирилла не уплывали!

– Знаете, есть такая сеть магазинов – «Лучший размер»? Ну, одежда для полных? Сплошной XXL и выше? Я работаю в нижегородском филиале и занимаюсь закупками аксессуаров. Иногда и за границу приходится ездить, а в Париже как раз будет проходить серия дефиле по нашему профилю, ну, меня и попросили на них поприсутствовать, сделать кое-какие заказы, если понравится. Кроме того, наши боссы решили свой офис в Париже открыть, мне придется заодно и этим заняться. Если повезет, там поработаю.

Кирилл просто глаза вытаращил. Дефиле, аксессуары, заказы, офис, боссы... Какие слова! Ну и ну! Да ему и в голову никогда бы не пришло, что такая простенькая с виду девушка... Да и танцевала она довольно хило... Кто бы мог подумать!

А впрочем, не такая уж она и простенькая. Одета сдержанно и элегантно, как пишут в журналах. Глазищи ого какие, и волосы красивые, малость рыжеватые, словно бы чуточку ржавые, классно уложены: этакий ворох вьющихся, пропитанных гелем прядок. Ему очень нравилась такая прическа. Фигура тоже ничего. Можно чуть прибавить сзади и спереди, но ладно, сойдет. Правда, на взгляд Кирилла, Арина немного высоковата, да еще вон на какие каблук забралась. Но ладно, это еще терпимо, а то он давал уроки бального танца в школе моделей, так там все девчонки смотрели на него откуда-то сверху, будто жирафы какие-нибудь. А ведь у него нормальные сто семьдесят три сантиметра. Кто это выдумал, что рост женщины должен быть выше мужского?!

А кстати, сколько ей лет? Может, она не только выше его, но и старше?

В принципе, это ему без разницы, он к ней свататься не собирается, но все же... Кирилл лучше себя чувствовал, если мог смотреть на женщину свысока во всех смыслах.

– В Париже ваша старшая сестра живет?

Арина усмехнулась, словно мигом просекла его невинную хитрость:

– Нет, младшая. Ей только двадцать два, но она у нас девушка проворная. Институт уже закончила, замуж выскочила, ребеночка вот-вот родит. По всем статьям нас с Катериной обошла.

Ага, смекнул Кирилл, значит, у Арины есть еще одна сестра. Которую она не больно-то любит! Когда говорила про младшую, ласково улыбалась, а упомянув эту Катерину, поджала губы этак сухо... И что Арина, что Катерина, получается, не замужем. И детей у них нет. Старые девы? О нет... Неизвестно, как там насчет этой самой Катерины, но Арина – факт не девушка. Причем очень горячая «не девушка». Это Кирилл давно просек, еще на занятиях. Это сразу чувствуется. Как говорит бабушка, остерегая своего любимчика Кирюшку от приставучих девчонок, «у них грех из глаз брызжет!». Вот из глаз этой Арины он и в самом деле брызжет. Не слабые глаза у нее, что и говорить...

Тут Кирилл вдруг осознал, что довольно-таки надолго погрузился взглядом в эти самые «не слабые» глаза. И почувствовал из-за этого некоторую неловкость. А ну как девушка решит, что он ее клеит? Да у него и в мыслях нет ничего такого!.. То есть в мыслях, может, и есть... Но сейчас ему совершенно незачем связывать себя даже самой легкой интрижкой. Он же работать едет! С другой стороны, Арина, конечно, хорошо знает Париж... И иметь там знакомую не повредит. Мало ли что, мало ли как могут сложиться обстоятельства.

Так. Знакомство надо продолжить, но взгляды придется дозировать более строго. А теперь – рывком из омута ее глаз! На поверхность обыденности!

– Черт! Да они собираются нас отправлять или нет?! – якобы с возмущением обернулся Кирилл на по-прежнему темные будочки паспортного контроля. – Что там вдруг случилось, в том Париже? Ураган? Тайфун? Цунами?

– В Париже прекрасная погода, я десять минут назад сестре звонила, – усмехнулась Арина, похлопав по карману своей коричневой тканой сумки (очень модной и, кажется, очень дорогой, как с первого взгляда просек Кирилл). Судя по всему, в сумке лежал сотовый телефон. И если она звонила в Париж, у нее был подключен международный роуминг. Недешевая штука! Да и сами разговоры с границей по сотовому в таку-ую копеечку влетают!.. Небедная барышня, очень даже. Неужели у них там в фирме такие хорошие деньги платят? Или у нее есть какой-нибудь богатый чел? Спонсор, так сказать?

Обеспеченные женщины тоже уязвляли самолюбие Кирилла. Так же, как высокие и старшие.

Ну ничего! Эти Сарайва обещали, что он будет неплохо зарабатывать в их школе! Конечно, его заработок зависит от количества клиентов, но за это Кирилл нисколько не беспокоится. Особенно что касается клиенток. На его уроках в Нижнем от них отбою нет! Он, конечно, об этом вот так на всех углах не кричит, но втихомолку убежден, что семьдесят

процентов его учениц ходят не танцам учиться, а на учителя танцев тарашиться – и млеть, млеть, млеть...

Кстати, о чем там говорит Арина? Какие девчонки? С какими паспортами? Что-то у них было не в порядке?

– Ну да! Я стояла вон там, довольно близко к контролю, и видела все-все. Вообще я этих девок сразу приметилла. Они собирались в Шарджу, но были без мужчин, понимаете?

– Нет, – откровенно признался Кирилл, все еще не вполне врубаясь. – При чем тут Шарджа? Нам же в Париж?

– Да тут половина народу летит в Эмираты. Сейчас там начинается туристический сезон. Море, солнце, фрукты, и уже не очень жарко. Самое время будет в ноябре, но сейчас тоже очень хорошо. Ну и вот. Это же мусульманская страна, и я точно знаю: туда не так просто получить визу женщине до тридцати, если она едет одна, без мужа.

– Почему?

– Потому что после развала Союза в Эмираты ринулись девки из всех бывших республик – зарабатывать. Сами понимаете, как. Там от «советских» проституток деваться некуда. Вот и ввели негласные ограничения. Даже когда девушки едут в составе тургруппы, к ним очень внимательно присматриваются. А эти были сами по себе. Ну и внешность соответствующая. Такие оторвы... И отнюдь не с Большой Покровской улицы! Дуры, конечно. Хоть бы оделись поскромней. Да еще поперли на паспортный контроль чуть ли не в первых рядах. И всей своей гоп-компанией, вы представляете?! – Арина возмущенно покачала головой. – Кретинки, не могу просто! По-моему, если уж ввязываешься в какую-то аферу, то надо все продумать, все распланировать так, чтобы комар носа не подточил, от вещей глобальных до мало-мальских деталей, до одежды, до макияжа, манер...

– Это в вас ваша профессия говорит, – усмехнулся Кирилл.

– Да нет, просто женщина!

Ох, как она это сказала... Вроде бы самые обыкновенные слова, но у Кирилла даже что-то задрожало внутри. И в душе, и в теле. Да еще она так глянула при этом... Вот уж да – женщина! Она настоящая женщина, вдруг сообразил Кирилл. Из тех, что делают с мужиками все, что хотят. Не вампы какие-нибудь дешевые, а такие тихие чародейки. Наверное, умеет все-все-все и даже больше.

Он мгновенным, привычным, тренированным усилием воли подавил в себе острое желание узнать, что же именно она умеет. Такие мысли далеко заводят. Это ему сейчас совершенно ни к чему! Да и вообще... Что он может предложить такой девушке, кроме своих черных глаз и отточенных па в «Латине» или «Стандарте»? Сам-то он про себя знает, что вовсе не такой Казанова, каким его все считают. По большому счету, он парень скорее скромный. И ему ни к чему какая-нибудь райская птица вроде этой Арины. Ему нужна девушка, за которую он не будет ежеминутно бояться, что она начнет глазками стрелять направо и налево. Такие красотки на подиуме хороши. А для жизни, для любви другое нужно. Так что... притихни, дружок.

Эй *ты*, слышишь? Притихни, кому говорено!

– То есть вы хотите сказать, что этих девушек контролеры сразу просекли? – спросил Кирилл, с неудовольствием ощущая в своем голосе предательскую хрипотцу.

– Конечно! С первого взгляда! И немедленно повели дур в отделение.

– Да за что, не понимаю! Это же не преступление – ехать в Эмираты. Может, они просто выглядят не бог весть как, а на самом деле нормальные девушки...

– Да нет, вы не поняли! – воскликнула Арина. – У них явно что-то с документами не в порядке, потому что контролеры именно на паспортах зациклились. Может, они фальшивые или еще что-то, не знаю.

– А зачем им фальшивые паспорта? – упрямо допытывался Кирилл. – Разве трудно получить нормальный загранпаспорт?

– Ой, не знаю! – с досадой отмахнулась Арина. – А может, эти девицы на учете в милиции состояли, вот и боялись, что им визы не дадут. Нет, правда, ну откуда мне знать?! Я могу только догадываться. Но что я знаю точно, так это что после них паспортный контроль пассажиров, летящих в Шарджу, приостановили. И наш рейс отложили.

– А мы тут при чем? – жалобно спросил Кирилл. – Париж и Шарджа! В огороде бузина, а в Киеве дядька. Нас-то могли выпустить!

– Ну вы разве не знаете, что в действиях милиции и всяких таких органов вообще нет никакой логики? У Тургенева, помните? «Мужчина может сказать, что дважды два не четыре, а пять или три с половиной, а женщина скажет, что дважды два – стеариновая свечка». А с этими ребятами все еще круче.

Кирилл так и закатился. Разумеется, он этого выражения не помнил, потому что Тургенева только одну книжку какую-то проходил в школе. «Дочки-матери»... то есть «Отцы и дети». И если эти слова оттуда, то он мимо них очень быстро пробежал... Но выражение ему очень понравилось. Одно из тех, которое помогает мужчине свысока смотреть на слабый пол. Как и подобает! Сверху вниз!

Александр Бергер, 27 сентября 200... года, Нижний Новгород

То, что ночь пойдет псу под хвост, ему стало ясно уже с первой минуты, как только он увидел этот труп в парке Кулибина. Но ведь смотря какому псу! Ладно бы такому безобидному симпатяге, как бульдожка Финт. Даром что гайморитом замучен – трудно сыскать более добродушное существо. Но нет! Ночь Александра Бергера была выброшена под хвост самому злобному, кусачему, агрессивному псу, какого только можно вообразить. Вдобавок шелудивому.

Этот эпитет ему всегда казался не столько обозначением неких физических болячек, сколько моральных качеств. Для полунемца Александра Бергера слово «шелудивый» являлось почему-то синонимом слова «пакостный»... В какой-то степени он был прав, и прибывшая милицейская бригада подтвердила его самые наихудшие опасения. Ребята были в подпитии, но это еще полбеды. Гораздо хуже, что им хотелось выпить еще и как можно скорей, а тут пришлось тащиться на вызов, какой-то труп осматривать, показания снимать... Бергер сильно подозревал, что, не очутись он на месте в момент прибытия этих ухарей, не придержи свидетеля, который вдобавок оказался на редкость законопослушен, оперативная группа не погнушалась бы затолкать труп в машину и, отъехав буквально на два десятка метров, выкинуть его снова в укромном уголке, а потом отправиться восвояси, сообщив дежурному, что вызов был ложный. Ровно в двадцати метрах находится только улица Белинского и, если пересечь трамвайные пути, начинается другой район – Советский. И головная боль в виде неопознанного трупа теперь принадлежала бы соседям. А наши мальчишки могли бы ехать дальше – в поисках «святого источника».

Такое, между прочим, не раз случалось раньше. И понятно, что после этого шансы на поиски преступника практически сходили на нет.

Ох как они поджали губы, когда Бергер назвался! Ох какие стали корчить рожи, услышав, что он *бывший* следователь, вдобавок – районной Семеновской прокуратуры! О своем переходе в разряд загадочных личностей, именуемых частными детективами, Бергер пока не стал говорить, чтобы пресечь град издевок, которые в этом случае на него непременно посыпались бы. Просто, чтобы предупредить вопрос, почему простился с прокуратурой, сухо сообщил, что ушел с работы после тяжелого ранения. И показал удостоверение инвалида второй группы.

После этого бригада «ух» стала вести себя повежливей: примерно так, как нормальные люди ведут себя с шизофреником, который одержим манией преследования.

Какой труп? Где вы видели труп?! Ах да. В самом деле, вот он... Ну и что? Почему это вас так волнует? Мало ли трупов на улицах валяется! Лежит себе, никому не мешает, особенно в этот тихий ночной час, в этой уединенной аллейке. Кстати, с чего вы взяли, что здесь налицо убийство, а не элементарный несчастный случай? Признаков насильственной смерти не видно (ни ножевых ран, ни следов выстрелов, ни странгуляционной борозды), скорей всего, неизвестного настиг приступ астмы. Он упал, ударился головой об асфальт, после чего и наступила смерть.

Тут возмутился хозяин Финта. Все-таки чувство гражданского самосознания было в нем развито очень сильно! И он снова стал кричать про женщину, которую сначала обнимал труп, а потом...

А потом, после этого и в самом деле неудачного выражения, опергруппа просто-таки попадала от смеха. Начались хиханьки да хаханьки по поводу некрофилии и прочих сексуальных издержек.

Бергер стоял, молча слушал и жалел – давно он с такой силой не жалел ни о чем! – что не прошел сегодня по другой аллее. Что вообще свернул в это проклятое место – бывшее кладбище, чьей-то административной прихотью превращенное в парк: одно из самых зловещих и неприятных мест в городе. Деревья здесь вымахали под небеса, а оттого в аллее никогда не проникало солнце, здесь всегда стояла промозглая сырость.

– Не слабая бабенка оказалась! – сказал шофер, который тоже принимал участие в общем веселье. – Так сказать, убийство на почве личных неприязненных отношений. Ка-ак толкнула любовничка – ему и каюк! Не баба, а Илья Муромец. А я недавно в газетке читал, что на одного парня упала со стола стриптизерша и задавила его грудями. Насмерть! Может, и здесь такой же факт налицо?

– Никто никого не давил! – начал было объяснять свидетель. – Она просто махнула рукой...

Он показал – как именно – и чуть не угодил по морде своему псу, который в это самое мгновение подбежал к нему и сделал стойку, держа в зубах мужскую барсетку.

Все это время Финт то терся о колени хозяина, то недружелюбно принимался обнюхивать полупьяных ментов, то вдруг начинал нарезать круги по аллеям. И где-то наткнулся же на эту барсетку! Все-таки его старания увенчались успехом. Это вам не грязный конверт, отсыревшая газета и пустая пачка сигарет. Это...

Хозяин Финта машинально поднял находку и так же машинально открыл «молнию». Достал согнутую вдвое пачечку купюр, потом развернул паспорт.

– А ну, дайте сюда, вдруг это вещь убитого! – приказал начальник группы, и свидетель, спохватившись, что и в самом деле занялся не своим делом, протянул барсетку и открытый паспорт почему-то Бергеру.

Тот взглянул на фотографию владельца – и даже головой покачал от удивления, поняв, что это лицо он уже видел раньше. Именно его: с правильными чертами, вполне симпатичное, а на чей-то взгляд, может быть, даже красивое, хоть и чуть полноватое. Это был мужчина немного за сорок, с волосами, зачесанными назад, что придавало ему слегка напыщенный вид. Да, именно его видел Бергер совсем недавно, а точнее – неделю назад, на открытии сезона в оперном театре. Он терпеть не мог драматические спектакли, но отчаянно любил оперу и балет, и когда, волею обстоятельств, переселился из Семенова в Нижний Новгород, чуть не все вечера проводил в оперном, который был здесь и в самом деле недурен. И вот на первой в новом сезоне постановке «Лебединого озера» – своего любимого балета – Александр Бергер и стал невольным свидетелем маленького происшествия, которое и озадачило, и насмешило его.

Место у него было в двадцатом ряду. Бергер всегда старался взять билет как можно дальше от сцены: чтобы не слышать стука пуантов о деревянный настил, а главное – не видеть ленточек, которые обхватывают ноги балерин, поддерживая эти самые пуанты. Причиной этому было неприятное происшествие, виденное им еще в детстве: у одной балерины из кордебалета развязалась ленточка в момент фуэте, и бедняжка грохнулась так неэстетично, что зал невольно разразился хохотом. И хотя ее унесли со сцены со сломанной ногой, зрители с трудом сдерживали смешки в течение всего спектакля. С тех пор Бергер на эти завязки смотреть не мог. Их вынужденное созерцание портило ему все удовольствие от представления! Именно поэтому он садился подальше от сцены, а чтобы как следует рассмотреть хорошенькие личики и стройные фигурки балерин, брал у контролеров бинокль.

К сожалению, оптика в старом театре имела не только качественную, а потому к ней надо было приспособиться. Порою это занимало некоторое время. Вот и в тот вечер, настраивая строптивый бинокль во время увертюры, Бергер вдруг обнаружил, что смотрит не на роскошный сверкающий занавес, а на лица каких-то людей, сидящих в партере. Вернее, лицо он видел только одно – мужчины, обернувшегося назад и ненавидящим взглядом уста-

вившегося на женщину, которая сидела в другом ряду, сразу за его спиной. Ее лица Бергер разглядеть, конечно, не мог, но обратил внимание на непомерно пышную прическу. Голова казалась непропорционально большой по сравнению с плечами, и Бергер на миг пожалел тех, кто сидит позади нее. Этот безумный начес практически лишал их шансов видеть сцену! Потом у него мелькнула мысль, что дамам с такими прическами надо на входе выдавать что-то вроде купальных шапочек: чтобы плотно облегли голову и унимали буйство волос. Затем он удивился, отчего этот человек смотрит на женщину настолько люто: он ведь сидит впереди, а не сзади, ему нисколько не мешает ее прическа. Но вскоре он обо всем забыл: увертюра закончилась, начался спектакль.

Случилось так, что в тот вечер Бергер еще раз столкнулся с этим мужчиной и этой женщиной. Дело в том, что посещение театра было для него одним из величайших праздников в жизни. Это впечатление сохранилось еще с детства, когда мама в антракте непременно водила его в театральный буфет. Нигде не доводилось Саше есть такие несусветно вкусные «корзиночки», как в буфете оперного! «Корзиночки» вообще всю жизнь были его любимыми пирожными, и даже теперь он, большой уже мальчик, становился в антракте в очередь со школьниками и солдатами – самыми ретивыми посетителями буфета. Так же, как они, Бергер покупал «корзиночку», а чаще – две, потому что был сладкоежкой, и стакан сока или лимонада, потому что ничего крепче шампанского не пил, да и то лишь на Новый год.

Своему пристрастию Бергер не изменил и в тот вечер. Но когда он с тарелкой и стаканом в руках пробился в укромный закуток, где только что было относительно свободно, прямо перед ним на облюбованный угол стола поставили свои чашки с кофе и тарелки с эклерами другие люди. Он сначала обратил внимание на неряшливую, слишком пышную прическу женщины, потом вспомнил саму даму, а затем узнал и ее спутника. Эту пару Бергер видел в бинокль. Лица женщины он снова не разглядел, ибо она опять стояла спиной к нему, но мужчину рассмотрел хорошо. Таких типов когда-то называли вальяжными. Правда, выражение спокойного самодовольства на его лице изредка нарушалось судорогами ненависти. Он исподлобья смотрел на спутницу и жадно заглывал куски нежного эклера, часто облизываясь, ибо пирожное было свежим и переполненным кремом. Однако в его глазах сверкала такая злоба, будто вместо эклера он предпочел бы вгрызться в горло собеседнице!

Какое-то время Бергер просто-таки не мог отвести глаз от этого породистого, привлекательного лица, на котором два взаимоисключающих выражения менялись с невероятной скоростью и яркостью. Потом дама, шагнув вперед, заслонила мужчину своим отнюдь не худым телом, а необъятной прической – его лицо. И тут прозвенел третий звонок, замешкавшийся Бергер поспешил прикончить свои «корзиночки», а когда расправился с ними, эта пара уже ушла. Из чистого любопытства он пытался снова нашарить их в зале с помощью бинокля, но не удалось. Потом, понятно, Бергер забыл о них обоих и, может статься, никогда не вспомнил бы, если бы не увидел паспорт с фотографией того, кто сейчас, изуродованный до неузнаваемости, остывал в сырой аллее бывшего кладбища. А звали его Симанычев Геннадий Валерьевич, 1960 года рождения...

– Чего уставился? Знаешь его? – нарушил его думы голос старшего опергруппы. – Дай сюда документ.

Бергер протянул паспорт.

– Да, видел однажды мельком. Случайно, в театре. Кстати, – повернулся он к хозяину бульдога, – кстати, а та женщина, которую вы заметили с ним рядом, – она какая была? Ну, какого роста, телосложения?

Свидетель несколько раз сосредоточенно моргнул:

– Высокая, это точно. Они одного роста были с этим... – Он кивнул на труп, замаялся, не зная, как его точнее назвать, чтобы снова не стать объектом насмешек. – Хотя я слышал стук каблучков... Она на каблучках была. Полная, мне показалось, что она была такая... крупная.

Хотя на ней был плащ. Может, из-за плаща создалось такое впечатление? И еще! Волосы у нее были растрепанные! Я сначала почему на них внимание обратил? Потому что у нее голова была какая-то большая-пребольшая! Лохматая такая.

– Минуту, свидетель! – грозно остановил его в это мгновение старший опергруппы, явно почуввав в разговоре свидетеля с Бергером ущемление своих прав и мгновенно переходя от полупьяного, разухабистого тона на деловой и даже агрессивный. Что характерно, вся его опергруппа немедленно прониклась сходным настроением и не просто посерьезнела, но неумолимо посуровела. – Минутку, свидетель! С вас еще показаний не снимали. Мы еще даже вашего имени не спрашивали!

– Так спросите. Давно пора, на самом-то деле, – посоветовал Бергер.

– И спросим! – сдвинул брови старший. – Не волнуйтесь, спросим! А вы, видать, решили взять дело следствия в свои руки? Может быть, и в отделение с нами проедете, и эксперта вызовете?

– Вряд ли, – буркнул Бергер, ругая себя за то, что опять позволил сыскным рефлексам восторжествовать над спокойствием и благоразумием, приобретенными с таким трудом. – Вы правы – это не мое дело. Я лучше пойду. Поздно уже.

– Как это – пойдете? А показания давать?

– Вот моя карточка, – Бергер протянул визитку. – Здесь адрес, телефон. Можете и паспортные данные списать – вот он, паспорт. Понадоблюсь – следователь повесткой вызовет. А задерживать меня для дачи показаний у вас нет никаких оснований, ибо я не был свидетелем случившегося и даже труп не я обнаружил. Просто так, случайный прохожий. Зевака, проще выражаясь. Строго говоря, вам и этого гражданина надолго задерживать не стоит, все-таки ночь на дворе.

– Ну что вы, спасибо, я с удовольствием! – замахал руками хозяин Финта. – Расскажу все, что видел, что слышал. Без проблем.

– Вот это позиция, я понимаю, – кивнул старший, вчитываясь в строчки на визитке Бергера. – Человек хочет органам помочь. А вы...

И он умолк, наконец-то прочитав на визитке словосочетание, отвратительное для всякого штатного сотрудника официальных органов: *частный детектив*.

– Е-мое! – простонал он потрясенно. – Ох, держите меня четверо! Витька, а ну дай рацию.

Шофер протянул ему трубку.

– Ковалев? – спросил оперативник. – Это твой однофамилец говорит из Нижегородского. Простучи-ка по адресному бюро и прочим каналам мне такую фамилию: Бергер Александр Васильевич. Да, Бергер. Наверное, немец, а тебе какая разница? Давай делай, быстро.

Похоже, компьютер этого самого Ковалева, к которому обратились за подтверждением личности гражданина Бергера, был отлично отлажен, потому что буквально через минуту раздался зуммер, и «однофамилец из Нижегородского» снова поднес трубку к уху:

– Да, слушаю! Что? Есть такой Бергер? Да, бывший... да. А теперь? Чье бюро?! Кто?! Ладно, понял. Отбой.

Судя по тому, что этот «однофамилец» так и не поблагодарил своего расторопного помощника, сведения, полученные о Бергере и о месте его теперешней работы, немало озадачили старшего опера. Не просто частный детектив, не сам по себе, бесправный и беззащитный конкурент нормальных ментов, а сотрудник «Городского бюро юридической поддержки», обладающий правом вести частную сыскную деятельность!

Для посвященных людей это название значило много. Поскольку город находился в состоянии предвыборной лихорадки (в конце сентября предстояло выбрать мэра), каждый из кандидатов из кожи вон лез, чтобы показать, как он заботится о правах и свободах горожан. Вот один из них, с виду сущий зомби, но пользующийся поддержкой очень высоких

верхов, а возможно, ими и зомбированный, открыл бюро бесплатной экстренной юридической поддержки, в которое мог обратиться любой и каждый. Мало того что там можно получить консультацию и даже нанять адвоката. Там можно провести независимую медицинскую экспертизу и даже воспользоваться услугами независимого расследователя, сиречь частного детектива.

Одним из сотрудников этого бюро и был Бергер. В принципе, ему как избирателю, представителю, так сказать, электората, больше по нраву был другой кандидат в мэры: фигура одиозная, лидер и аутсайдер в одном лице, бывший сиделец, умудрившийся испортить отношения со всеми властями предрежащими. Определенно – именно он выиграл бы выборы (кстати, однажды, четыре года назад, это уже произошло, после чего свежее испеченного мэра немедленно отправили за решетку за какие-то старинные прегрешения, которые ранее ему прощались, а теперь вдруг стали несовместимы с законом), но его недавно просто сбросили с дистанции – опять же за какие-то мифические грехи. Скорее всего, мэром предстояло стать именно тому, зомбированному, а потому бюро имело все шансы продолжать работу, а его сотрудники – остаться в нем.

С одной стороны – ставленник людей, которых Бергер презирал. С другой – хорошо оплачиваемая, интересная и, главное, безусловно полезная людям работа! Бергер считал, что вторая чаша весов перевешивает первую, а потому хотел бы задержаться в бюро как можно дольше. Тем паче не он туда просился, а его самого упрасивали прийти потрудиться. Да, он вот уже полгода как ушел на инвалидность, однако профессионалом быть не перестал. Славу ему, начинающему следователю, составило дело Риммы Тихоновой – чуть ли не первое, которое он вел. Эта женщина покончила с собой, так все обставив, чтобы подозрение падало на ее любовника, Григория Охотникова. Все улики были против него, причем улики очень весомые. Бергеру этот человек был глубоко неприятен, его непричастность он доказывал, просто-таки стиснув зубы, буквально с отвращением, однако долг есть долг, и свой долг Александр Бергер исполнил. Кстати, именно в ходе этого расследования он и проникся стойкой неприязнью к черноглазым красавцам-брюнетам... но это были его личные трудности.

Вскоре после окончания расследования и снятия подозрений с Охотникова ретивый следователь получил семь пуль от некоего разъяренного жениха за изнасилование его невесты, происшедшее в ходе ее допроса. Да, Бергер вызывал ее как свидетельницу, однако, понятное дело, и пальцем к ней не притронулся! Доказать это было легко и просто, однако для начала предстояло элементарно спасти жизнь Бергеру, ибо, получив семь пуль, можно выжить только чудом. Пока Бергер лежал в госпитале и врачи гадали, обречен он на смерть или на полный паралич, выяснилось, что «мстителя» науськал на него Николай Резвун, отец той самой Риммы Тихоновой, очень недовольный тем, что благодаря Бергеру ушел от тюрьмы ее любовник. В нем говорила отнюдь не родительская скорбь, а ненависть к человеку, который подмял под себя весь его бизнес и покушался на его собственную жизнь. В результате Охотников погиб в автомобильной катастрофе, но доказать причастность Резвуна к этому делу не удалось. Отмазался он и от подстрекательства к убийству Бергера: киллер отказался от прежних показаний и заявил, что действовал в состоянии аффекта и помрачения ума. Его, конечно, осудили, однако многие открыто говорили, что богатый бизнесмен просто купил его молчание. Бергеру иногда очень хотелось покопаться в этой истории, сделавшей его инвалидом, однако Резвун жил теперь за границей, так просто не достанешь. Но благодаря покушению Бергер еще больше прославился, а потому его охотно взяли на престижную и не больно-то пыльную работенку в бюро, несмотря на удостоверение инвалида, неторопливую походку (иногда не слушались перебитые ноги), заштопанное правое легкое и другие многочисленные внутренние неполадки.

Поскольку результаты выборов были совершенно непредсказуемыми, а Россия – страна политических чудес, внутренние и внешние органы старались особо не ссориться с

сотрудниками того или иного кандидата. А может быть, начальник опергруппы был из числа его приверженцев. Так или иначе, он позволил Бергеру уйти, а сам вызвал по рации эксперта и машину для перевозки трупа. Хозяину Финта, судя по всему, предстояло спустя некоторое время прокатиться в отделение для дачи показаний.

«Хоть бы собаку домой отвел», – угрюмо подумал Бергер, слыша позади недовольный бульдожий скулеж.

Настроение у него было препоганое, в пору самому заскулить. Но ведь вроде бы ничего особенного не случилось: ну, небольшая стычка с милицией, так ведь все нормально закончилось! А что касается дачи необходимых показаний, то ведь и в самом деле – никто не отменял священной обязанности каждого гражданина содействовать по мере сил и возможностей раскрытию преступлений!

«Да что я дергаюсь, не пойму?! – ворчал сам на себя Бергер. – Ну, получу повестку, ну, скажу, где видел этого Симанычева... Про ту тетку с начесом тоже скажу. Какие проблемы?!»

Проблем никаких. А голова разболелась невыносимо, как бывало всегда, когда Бергер чувал впереди какие-то неприятности.

Чуть-то он их чувал... Но и вообразить не мог, чем для него в недалеком будущем обернется эта ночная история!

Катерина Дворецкая, 9 октября 200... года, Париж

Вообще-то любила и понимала меня одна только тетя Эля. И одобряла – во всем. Мало того! Может быть, она меня даже поощряла, как бы подталкивала – исподволь, абсолютно для меня незаметно! – к совершению тех поступков, которые я потом воспринимала как свои, только свои собственные заморочки. Так сказать, авторские. Однако точно знаю, что о сестре я впервые узнала от тети Эли. Матушка, конечно, считала меня недостойной посвящения в эту великую семейную тайну. С другой стороны, она была совершенно права: меньше знаешь – крепче спишь. Насколько иначе сложилась бы моя жизнь, если бы я по-прежнему даже не подозревала о сестре! Да уж, да уж, точно: это была бы другая жизнь другого человека. В ней не нашлось бы места подавленным страстям и откровенному горю, зависти и ненависти, интригам, от которых даже у меня, завязавшей их, порою вскипали мозги, тайнам и недо-молвкам, угрызениям совести и раскаянию, бессонным ночам – и страху, ужасному страху, который иногда наступал и все еще наступает меня...

С другой стороны, в ней не было бы места и счастью, счастью, счастью! Если бы не сестра, разве я встретила бы Кирилла? Разве узнала бы, что такое настоящая любовь? Та самая, которая сильна как смерть? «Сильна, как смерть, любовь, жестока, точно ад, ревность, стрелы ее – стрелы огненные...» Я не знала бы ревности, от которой порою едва не умираю, хотя ревновать к сестре-близнецу – это смешно, дико смешно! Все равно что к себе самой. А я ревновала: ведь сестрица стала для нас и сводней, и разлучницей. И мне не у кого было спросить совета, как поступить в ситуации, которую я сама, сама создала от начала до конца! Где искать виноватых, если во всем виновата я сама и прекрасно это знаю?

Так-то оно так, однако именно тетя Эля бросила меня в эту историю, как не умеющее плавать дитя бросают в воду. Дескать, оно побарахтается, наглотается воды – но авось не утонет. Может быть, даже научится бить ручками-ножками по воде и поплывет. Ну так вот – я по-прежнему барахтаюсь. Пока еще не тону, но и не плыву. Дергаюсь, не зная, как выплыть, в судорогах безумного отчаяния, – но не могу, тысячу раз не могу позвать на помощь. Во-первых, любой и каждый, услышав эту историю, отвернется от меня не просто с ужасом, но и с отвращением. Во-вторых – и в-главных, между прочим! – гордыня у меня бесовская. Ни за что не покажу, как мне плохо. Не выношу, когда меня жалеют. Тем паче – жалеют с насмешкой. И разве кому-то объяснишь, что происходит? Да на меня станут смотреть, как на сумасшедшую!

Одну только тетю Элю я могла бы позвать на помощь. Но ее уже давно нет. А ведь с самого детства она была столь близка со мной, имела на меня столь огромное влияние, что я больше ощущала себя ее дочерью, чем собственной матушки, которой, если честно, было глубоко плевать, что написано на этом белом листе, называемом душою дочери. А тетя Эля знала, *что* там написано. Ведь это именно она писала на нем все, что хотела! И долгое время после ее исчезновения я ощущала себя чем-то вроде незаконченного рассказа. Вернее, романа, потому что накручено во мне было столько всякого-превсякого...

Автор выдумал героев этого романа, придумал им приключения, чувства, саму жизнь – и вдруг бросил свою писанину, даже не докончив предложения. А они замерли на полудвижении, на получувстве и полуслове. Можно сказать, на полужизни и полусмерти. Если она смотрит сейчас на меня «из неизвестной глубины» – то-то небось забавляется! А может, жалеет меня, горюет обо мне? Нет, вряд ли. Она презирала жалость, как и я. Наверняка пытается достучаться до меня мыслью сквозь все эти толщи атмосферы, стратосферы и какой-то там еще сферы, отделяющие наш мир от того света, пытается внушить мне: «Не сдавайся!

Живи! Играй! Не плачь, моя радость, моя ненаглядная девочка! Ты самая лучшая, ты все сможешь – только ничего не бойся, потому что трусость и осторожность – худшие, опаснейшие из зол». Она мне это часто говорила, моя тетя Эля.

Однако это какое-то карамельное, сладко-розовое имя! Тя, ля... Это не для нее. По-настоящему ее звали Элеонора. Вот это имя ей шло! А еще больше – Элинон. Синее, даже чуточку лиловое слово, словно бы сотканное из тяжелого душистого шелка. Она, конечно, хотела, чтобы ее называли именно так, на французский и староанглийский лад. Как в той чудесной балладе:

Королева Британии тяжело больна,
Дни и ночи ее сочтены.
И позвать исповедников просит она
Из родной, из Французской страны.

Какая потрясающая история, между прочим! Я была совсем еще малявкой, когда услышала эту бесподобную балладу о том, как король, опасаясь, что жена умрет без покаяния, решил сам надеть плащ монаха-францисканца и притвориться исповедником. А также вовлек в эту аферу лорда-маршала. Но в ходе исповеди выяснилось, что королева безумно любила не короля, а этого лорда: «Десять лет я любила и нынче люблю лорда-маршала больше, чем всех!» Причем ее старший сын, наследник престола, красавец и молодец, рожден от него, а вот второй сын – уродливый, противный – в точности венценосный папенька...

Вот тебе и королева Элинон!

Потрясающая история! Благодаря ей я еще малявкой постигла смысл безумного, жуткого, обворожительного выражения: «У каждого в шкафу свой скелет». Я поняла, что каждая семья вольно или невольно скрывает совершенно невероятные тайны. И была почти не удивлена, когда тетушка открыла мне тайну моей семьи. Я бы гораздо больше удивилась, если бы никакой тайны не оказалось!

Думаю, что моя дорогая Элинон обожала эту староанглийскую байку равным образом и за ее название, и за эту всепоглощающую таинственность. Ох, как же она любила балладу о королеве Британии! Как чудесно, страстно, завораживающе читала – нет, выражаясь по-старинному, декламировала ее! Я просто млела от восторга, слушая, и королеву Элинон воображала не какой-нибудь там унылой английской блондинкой, но в то же время и не роковой пугающей брюнеткой, а именно такой, как моя тетя: с затейливо подстриженными и завитыми рыжими волосами, образующими на голове этакий продуманный беспорядок, с переменчивыми зеленовато-желтовато-серо-голубыми глазами (нет, правда, совершенно невозможно было определить их цвет, однажды я сама видела, как они стали фиолетовыми от злости!) и чуть подрагивающими от смеха губами... Вот губы были, пожалуй, тонковаты, они единственные портили почти совершенную красоту моей тетушки Элинон, особенно когда были не накрашены. А уж если она глубоко задумывалась и поджимала их, то в лице ее появлялось что-то сварливо-ведьмовское. Да, она была, конечно, типичная ведьма! Заварила в котле своей хорошенькой рыжеволосой головки тако-ое варево... Заварила – и исчезла бесследно, словно на помеле унеслась невесть куда, а свою любимую ученицу оставила расхлебывать эту кашу.

Что я и делаю по сию пору.

Тетушку Элинон я вспоминаю очень часто. Практически каждый день. И совсем не для того, чтобы упрекнуть. Просто думаю о ней. Скучаю по-прежнему. Воображаю, что она все еще со мной. Что она где-то есть, и я могу встретиться с ней в любую минуту, стоит только захотеть. Если бы она была жива, ей исполнилось бы двадцать пять – но умноженное на два. Однако не сомневаюсь, что она выглядела бы так же ошеломляюще, как прежде.

Никакой седины в свои рыжие волосы она не допустила бы, и если бы под ее удивительными глазами все же пролегли морщинки, то они бы лишь подчеркивали их кокетливый блеск и загадочность. Ну а морщинки у рта... как говорил Марк Твен, морщины должны изобличать лишь те места, где раньше были улыбки. Тогда вокруг ее рта было бы много морщинок!

Как очаровательно улыбалась Элино́р, как любила смеяться! Какой это был заразительный, откровенный, обезоруживающий смех! А уж как она подшучивала над собой! Помню, как-то раз, глядя в зеркало на свое лицо, стянутое яичной маской, пробормотала: «Я семимильными шагами приближаюсь к тому возрасту, когда забота о своей внешности начинает носить маниакальный характер». И захохотала над своим глянцево-блестящим, словно глазированным отражением, – вернее, захихикала, даже засюсюкала, ведь маска не давала никакой возможности толком открыть рот, и смех приходилось выталкивать маленькими, скупыми, аккуратненькими порциями: «Хе-хе-хе!»

Тетушка Элино́р покинула меня дважды. Первый раз – когда вышла замуж за этого американца, бывшего чуть ли не вдвое моложе ее, но потерявшего от нее голову так, как он никогда бы не потерял ни от какой молоденькой девчонки. А она?.. Любила ли она его? Или просто хваталась за возможность удержать уходящую, убегающую, улетающую молодость?

Так или иначе, она вышла за этого ошалелого от любви мальчишку (который очень кстати оказался довольно богат – не миллионер, к сожалению, но вполне состоятельный человек, к счастью) и уехала с ним в Америку. Писала она редко, а потом письма вообще перестали приходить. Не скоро – только после извещения из Иньюрколлегии! – мы узнали, что Элино́р и ее муж погибли. Причем одновременно: приняли приглашение друзей покататься на их яхте, а та возьми и взорвись. Какие-то там случились неполадки с газовым баллоном... А может, и нет, может, все было иначе, но такую версию довели до нашего сведения юристы.

Они жили недолго и умерли в один день. Что может быть лучше?!

Впрочем, я была потрясена ее смертью – потрясена тем, что Элино́р вообще способна умереть! Маришка знала ее мало и не так переживала, как я. Матушка в основном мучилась не от горя, а от условий завещания Элино́р. Только после их смерти выяснилось, что при бракосочетании ее муж, этот самый америкэн-бой, открыл на имя Элино́р счет и положил туда сто тысяч долларов. Не бог весть какая сумма, но для ощущения финансовой независимости вполне довольно. И тетя, проникнувшись американской предусмотрительностью, успела написать завещание и распорядилась этими деньгами так: шестьдесят тысяч получаю я, двадцать пять – Маришка, а пятнадцать – матушка. Моей близняшке не перепало ничего. Ну, оно и понятно, для Элино́р она была фигурой абстрактной и далекой, не то что для меня!

Маманя изо всех сил пыталась внушить нам, что мы должны отдать свои деньги ей. Но мы с Маришкой держались, как защитники Брестской крепости! Думаю, что распорядились этими деньгами именно так, как хотела бы Элино́р. Умница Маришка мигом умотала в Париж, поступила учиться в Сорбонну, встретила там своего ненаглядного Мориса и выскочила за него замуж. Он и сам человек совсем не бедный, но благодаря тетушке Маришка не чувствовала себя бесприданницей. Что касается меня... Элино́р и раньше подкидывала мне денег, еще до своего отъезда: именно благодаря ее щедрости я и смогла познакомиться с сестрицей и вообще иногда общаться с ней. То есть стартовала удачно. Наследство же вывело меня на финишную прямую. Благодаря ему я почти вылечилась от своей дурацкой болячки. Благодаря ему я делала в принципе все, что хотела. И особую остроту ощущениям придавало то, что никто не знал...

Ладно. Еще не время открывать секреты, срывать, так сказать, все и всяческие маски. Тетушка этого тоже не одобрила бы. Она была убеждена, что всегда случается то, что должно случиться, – причем всему свое время. Жизнь и смерть, любовь и разлука – все случается вовремя. Я привыкла верить ей – пытаюсь верить и теперь. Но иной раз бывает так тяжело,

что только мысли о ней, о моей дорогой тетушке – я могла бы назвать ее матерью моей души, моего сердца! – поддерживают меня.

Я думаю об Элинон часто, очень часто. Я тоскую по ней больше, чем по родной матери, которая, кстати сказать, жива и здорова, но с которой мы практически не видимся и не испытываем к этому никаких позывов. Я информирована – это самое точное слово! – о том, как протекает ее жизнь; она в свою очередь некоторым образом осведомлена о моей жизни. И довольно с нас этого. Мы не любим друг друга. Однако не странно ли, что о тетушке Элинон, которую я любила больше всех на свете и которую люблю до сих пор, я практически ничего не знала? В смысле, как складывалась ее судьба в ее молодые годы, до замужества. Ближе ее у меня не было человека, а ведь у нее в то время существовала какая-то своя жизнь, вдали от нашей семьи. У нее были какие-то истории, она, наверное, кого-то любила, кроме меня, – мужчину какого-нибудь. Обычно дети с трудом представляют себе своих близких, особенно старших, в интимной ситуации. Странно – я очень хорошо представляю, какой страстной могла быть Элинон, как легко могла терять голову от любви.

«Тетушка! Этот безумный огонь в сердце моем – не от вас ли?» – спросила бы я, перефразируя Цветаеву.

Точно, от нее! И что прикажете мне с ним, с этим огнем, делать?

Кирилл Туманов, 28 сентября 200... года, Нижний Новгород

– Насчет женщин – это Тургенев напрасно, – заявила Арина. – Это у него дискриминация по половому признаку. А то, что я сказала насчет милиции и всего такого, – совершенно точно. От этих ребят лучше держаться подальше.

– И не говорите! – закивал Кирилл, все еще посмеиваясь. – Я сам от них буквально вчера еле ноги унес.

– Да что вы? – весело удивилась Арина. – Неужели вы хулиганили на Покровке и вас замели? Не могу поверить!

– Конечно, нет. Просто вчера вечером мы с нашими ребятами из студии были у Жанны в гостях, отмечали мой отъезд...

Арина понимающе кивнула. Всем в школе балльных танцев, где преподавал Кирилл, было известно, что Жанна Сергеевна, известный в городе хореограф и директриса модного ночного клуба «Барбарис», была «первой учительницей» Кирилла. Именно она сделала из него то, чем он стал теперь: отличного танцора, безупречного педагога и разбивателя женских сердец. Начав работать в «Барбарисе», Жанна фактически отдала Кириллу свою собственную школу, они по-прежнему дружили, поэтому неудивительно, что свой отъезд Кирилл отмечал именно у нее.

– Выпили замечательно, я ушел чуть живой. Маршрутки не дожدهшься, пошел пешком. Поташился зачем-то через парк Кулибина. И вдруг вижу...

Он осекся. Странное вдруг возникло чувство. Как будто кто-то прошел за его спиной – аж сквозняком повеяло! – и мимоходом что-то шепнул ему в ухо. Что? Кирилл не расслышал: уж очень тихий был шепот. Но до чего жутко стало!..

– И что же вы увидели? – раздался голос Арины.

Как она смотрит! Все-таки у нее потрясающие глаза!..

– Неужели привидение? Неосторожно это – по ночам по парку Кулибина шататься. Все-таки бывшее кладбище, мало ли кого там можно встретить.

Вот штука! То манит этими своими глазищами, а через минуту смеется как ни в чем не бывало. Играет! Кокетка, типичная кокетка. А таким девушкам верить нельзя.

– Не видел я привидений, – не без угрюмости ответил Кирилл. – Зато видел людей. Парочку. Мужчина прижимал к себе женщину, а потом вдруг что-то произошло – и он упал. А она убежала.

Арина похлопала ресницами. Кирилл заметил, что ресницы у нее тоже красивые. Не очень густые, но длинные и загнутые вверх. И покрашены аккуратно, ровненько, не то что у некоторых девчонок намазюкано абы как, тушь на щеки осыпается.

– То есть она его ножом пырнула, что ли? – предположила Арина.

– Нет... – загадочно протянул Кирилл. – Нож тут совершенно ни при чем! Этот человек задохнулся, вы понимаете?

– Да вы что?! – Брови Арины взлетели на лоб. Густые подвижные брови, тщательно выщипанные, но отнюдь не в ниточку. Как раз такие брови нравились Кириллу. – Она его задушила?! Голыми руками?

– Да нет, вряд ли. Думаю, брызнула на него чем-нибудь, каким-нибудь средством защитным типа «Дракона».

– Ну, это не смертельно, – пренебрежительно пожала плечами Арина. – Ну, обчихался бы дядька, слезами бы залился...

– Ага-а! – таинственно протянул Кирилл. – А если у него была, к примеру, аллергия на слезоточивый газ? Конечно, милиции я этого не сказал...

– А что, там уже и милиция была?

– Да, то есть нет. Там случайно оказался один тип, следователь какой-то, не помню откуда, а фамилии он не назвал. Но он сразу позвонил 02, вызвал оперов. Вот тут-то я и сделал ноги.

– Серьезно? И не исполнили свой гражданский долг, не дали показаний? А почему?

– Да вы ж сами говорили, что с ментами все круто! – возмущенно воскликнул Кирилл. – Да меня сразу как свидетеля пришили бы к этому делу. Показания, допросы, подписка о невыезде, то да се. А у меня виза, билет! Меня в Париже ждут! Плевать бы они хотели на Париж, особенно если бы я им сказал, что узнал...

Он не договорил, потому что Арина сумка вдруг разразилась звонками. Девушка с трудом отвела глаза от Кирилла и тряхнула головой, словно просыпаясь.

– Ну вот, – пробормотала она с досадой, нашаривая трезвонивший мобильник. – На самом интересном месте! Алло? Ой, привет, Маришка! Нет, я еще не в самолете. Регистрация-то прошла, а теперь сидим и сидим, как в осаде!

Тут она виновато улыбнулась Кириллу, шепнула:

– Сестра! Извините, я одну минуточку! – И отошла в сторону.

Кирилл тоже улыбнулся, подавляя при этом вздох зависти. «Эриксон» у нее был замечательный – маленький, серебристый, изящный до невозможности. Такой не меньше четырех сотен стоит. В смысле, баксов. Да, сразу видно, что девушка в расходах не стесняется. А между прочим, в точности такой «Эриксон» он видел вчера у этого, как его там, следователя прокуратуры. Хотя у того мужика вид был совершенно скупердяйский. Даже странно, что он позволил себе такой дорожный мобильник. Сам аккуратный весь такой, прилизанный, губки поджаты, глаза узкие, как лезвия. Недобрая физиономия, даже злая, а взгляд прямо режет, насквозь просекает. Ну, а все же не просек, что Кирилл его обойдет на повороте! Решил, что он пьян, как фортепьян, а зря!

Он оглянулся. Арина все еще разговаривала по телефону, стояла спиной к Кириллу, и он с удовольствием скользил взглядом по ее длинным ногам, обтянутым джинсами. Приятная она все-таки девушка, с какой стороны ни посмотри. Попку не вредно бы подкачать, но ладно, не стоит придирается. А сестру ее младшую, значит, Марина зовут. Ну, приколисты их родители! Катерина, Арина и Марина. А может, Арина, Катерина и Марина? В смысле, Арина старшая? Он так и не узнал, сколько ей лет. Может, двадцать пять, как и ему. А может, и больше. Что-то иногда мелькает в ее глазах, какой-то напряг, что-то вроде усталости или...

– Пассажиров, вылетающих рейсом Аэрофлота 43—90 в Шарджу, просят пройти паспортный контроль и проследовать на посадку в самолет, – прервал его мысли голос из динамика. – Повторяю. Пассажиров, вылетающих в Шарджу, просят пройти паспортный контроль и проследовать на посадку в самолет. Информация для пассажиров, следующих в Париж рейсом 169, будет передана дополнительно. Приносим свои извинения за доставленные вам неудобства.

«Приносим свои извинения»! Спасибо большое, можете их обратно унести, лучше бы посадку объявили!

Примерно половина бродивших по залу ожидания людей ринулась к осветившимся будочкам паспортного контроля и вытянулась в три аккуратные очереди. На лицах всех светилось радостное оживление. Оставшиеся пассажиры смотрели на них с откровенной завистью. Очереди двигались быстро, и совсем скоро народу в зале заметно поубавилось.

– Ну, может, и нам наконец повезет, – послышался рядом голос Арины. – Когда-нибудь... А вас в Париже должны встречать?

– Вообще-то да, но, если что окажется не так, мне придется позвонить из аэропорта. Вот, видите, визитная карточка месье Сарайва? Мне подробно рассказали, где купить телефонную карту и все такое.

– Да, мы теперь прилетаем в терминал В, там как раз пункт продажи телефонных карт, – кивнула Арина. – Раньше прилетали в С, было не очень удобно с этим делом. Хотя зачем вам карта? Я дам вам свой мобильник, вот и позвоните. А где примерно живут эти ваши Сарайва?

– Помню, что станция метро «Ледрю-Роллин» или что-то в этом роде, а улица и номер дома у меня записаны.

– «Ледрю-Роллин», правильно. Это 12-й район, я его знаю, потому что там базарчик хороший, мы с сестрой туда не раз ездили, – объяснила Арина. – Недалеко от площади Бастилии. Сначала из аэропорта вы поедете автобусом Руасси-Бас до «Гранд-опера», потом на метро – прямая линия номер 8, направление Кретель...

Арина выпевала эти слова, как песню, а Кирилл не мог оторвать взгляда от ее губ. Только сейчас он разглядел, какие у нее красивые, яркие губы. Причем они накрашены не помадой, а бесцветным блеском. Очень сексуально!

Он невольно облизнулся и тотчас покраснел, опасаясь, что она угадает его мысли. Хотя там и угадывать-то нечего! В том смысле, что нет у него никаких таких мыслей. Только о работе!

Вдруг его кто-то толкнул. Кирилл едва удержался, чтобы не налететь на Арину. На какое-то мгновение их глаза и губы оказались близко-близко... Она буйно покраснела, просто-таки залилась краской. Да и у него так загорелись щеки, что он понял: выглядит не лучше, чем она.

– Поосторожней надо! – буркнул Кирилл, с преувеличенным возмущением оборачиваясь на невысокого крепыша в джинсовой потертой куртке, который прошел мимо как ни в чем не бывало и даже не извинился. – Ноги не держат?

Крепыш в джинсе зыркнул на Кирилла припухшими темными глазами – зло, даже угрожающе – и пошел своим путем. Теперь его глаза шныряли по залу: такое впечатление, что он кого-то искал.

«Где-то я его уже видел, – подумал Кирилл, провожая его взглядом. – Но где? Может, мы знакомы, он хотел со мной поздороваться?»

– Не обращайтесь на этого хама внимания, – спокойно сказала Арина. – Знаете что, давайте пойдем в буфет. Вы не хотите перекусить или попить чего-нибудь? А то неизвестно, сколько тут еще придется куковать.

Кирилл покосился на нее в замешательстве. Русских денег у него практически не было: полсотни, не больше, все остальное обратил в евро. Ну не менять же их обратно?! А что можно купить в аэропортовском буфете на пятьдесят рублей? Жевательную резинку? Ха-ха. Как бы это половчее отказаться и Арину отговорить? Он не может допустить, чтобы девушка платила за себя, а тем паче – угощала его, а денег жалко. Показать же этого никак нельзя – женщины не любят жадных. Ох как не любят!

А кто их любит? Мужчины, что ли?

– Вниманию пассажиров, вылетающих в Париж рейсом 169. Администрация аэропорта приносит вам свои извинения за вынужденную задержку рейса и просит пройти в буфет. Вам будет предложен легкий завтрак.

Ух ты! Да это настоящий подарок судьбы!

– Вот вам и буфет! – радостно воскликнул Кирилл. – Здорово!

– Да уж, прямо европейский сервис. Только насчет завтрака – это они опоздали. Сейчас уже время обедать.

– Ладно, пусть это будет второй завтрак, – покладисто согласился Кирилл. – Пошли в буфет?

– Пошли!

Буфет, размещенный на втором этаже, оказался маловат и не смог, понятное дело, вместить всех пассажиров. Половина расселась за столиками, половина осталась ждать своей очереди.

Кириллу и Арине повезло. Они успели занять места. Неподалеку от них очутился тот самый, в джинсовой куртке, который толкнул Кирилла, и он волей-неволей порою косился на этого человека, но уже отказался от мысли вспомнить, где видел его раньше. У него вообще была плохая зрительная память.

«Эриксон» Арины снова зазвонил. Она виновато улыбнулась, и Кирилл, чтобы не смущать ее вниманием, начал глазеть по сторонам.

Две официантки с невероятной скоростью раздали сидящим по упаковке сыра «Виола», вишневого йогурту «Фрутис», крошечной пачке печенья и запечатанной в целлофан сосиске на ломтике черного хлеба и еще выдали одноразовую ложку и маленький брикетик с соком.

Кто-то возмущенно бухтел при виде этой так называемой еды, кто-то решил не отказываться от халявы, пусть и столь скудной. Честно говоря, Кирилл был из числа последних, он уж совсем было собрался распечатать целлофан, но вовремя бросил взгляд на возмущенное лицо Арины. И отдернул руки от сосиски, как будто ее заминировали.

– Это не завтрак, а подачка! – сердито сказала Арина. – Нет, совки навсегда останутся совками, это у нас в крови.

Она огляделась, поливая откровенно презрительным взглядом тех, кто поглощал совковую еду. Многие делали это не без аппетита, и Кирилл завистливо вздохнул. «Может, хоть сыру поесть? И йогурт?» – подумал он, опасливо оглядываясь на Арину.

Нет, вряд ли удастся, не уронив своего престижа. Вон какая хмурая сидит! Уставилась в одну точку. На кого это она смотрит? Да на того наглого дядьку-толкача. Он не стал есть этот хилый «завтрак аристократа», а пробирается между тесно стоящими столиками к выходу. И вот на его место проворно устремилась какая-то обширная особа в вязаной кофте и косынке.

С ума сойти! Чтобы в таком виде отправиться в Париж – надо вообще без мозгов быть! А как она набросилась на сосиску! Будто сроду не ела!

– Странно... – пробормотала в эту минуту Арина. – Очень странно!

– Что именно? – спросил Кирилл, радуясь возможности отвлечься от этой несчастной сосиски. Черт, и смотреть-то не на что, фиговинка какая-то, а слюнки текут.

– Да тот человек, который вас толкнул... Он знаете что сделал сейчас?

– Не стал есть? Пошел в выходу?

– Это само собой. А по пути... он вынул из кармана сотовый телефон и положил его в сумку вон той женщины.

Она незаметно, подбородком, указала Кириллу на маленькую полненькую брюнетку в дорогой куртке и тяжелых серьгах, которые сверкали так, как могут сверкать только бриллианты. Ее пухлые пальчики также были унизаны бриллиантами, и сосиска (все ели эти презренные сосиски, все оказались совками, даже дамы в бриллиантах! Не выдержали проверку халявой!) смотрелась в них чем-то несусветно нелепым. Рядом на полу стояла небрежно приоткрытая дорожная сумка с надписью «Nina Ricci».

А что? Судя по этим бриллиантам, очень может быть, что самая настоящая «Нина Риччи»!

– Телефон туда сунул? – не поверил Кирилл. – Зачем?

– Если бы я знала!

– А вам не показалось?

Арина только хмыкнула.

– А может быть, это ее собственный телефон? Может, она давала этому мужику позвонить? – не унимался Кирилл.

Арина посмотрела на него, как на дауна.

– А почему он не отдал ей аппарат из рук в руки, на стол не положил, а украдкой опустил в сумку? Молчком, втихаря? И немедленно смылся!

– Да куда он денется? Сквозь таможенный контроль он обратно уже не пройдет, – успокаивающе сказал Кирилл. – И все-таки мне кажется, это вам почудилось.

– Сейчас вы скажете: когда чудится – крестятся, да? – зло зыркнула на него Арина. – Говорю же: мне ничего не показалось! Я видела, *видела* это, понятно? Своими глазами! И мне знаете что это напомнило?

– Ну, что? – терпеливо и ласково, как если бы разговаривал с маленькой девочкой, спросил Кирилл.

– Один фильм. Американский, про террористов. Там вот точно так же парень незаметно подсунил в аэропорту в сумку кому-то мобильный телефончик, а потом через пару часов набрал номер, раздался звонок – и самолет взорвался в воздухе. Телефон был не телефон, а радиоуправляемое взрывное устройство, понятно?

– С ума сошла! – пробормотал Кирилл, от растерянности незаметно переходя на «ты». С другой стороны, давно пора!

– Ничуть, – фыркнула Арина. – Ты можешь оставаться спокойным после всего, что я сказала? Нет. Ну а я это видела! Видела!

– И что предлагаешь?

– Секьюрити сообщить! Здешним ментам.

У Кирилла вдруг забурчало в животе. Но это не от тоски по сосиске. Со вчерашней ночи у него начиналось несварение желудка при одном только упоминании о милиции.

– Погоди, – примирительно пробормотал он. – До посадки дело еще не дошло. Мы даже паспортный контроль не прошли. Давай пока незаметно за тем дядькой понаблюдаем – и за этой женщиной. Может, они тайные любовники и обмениваются посланиями с помощью телефона. Пишут эсмэски, читают...

Он сам удивился чепухе, которую сказал.

– Да ты романтик! – с жалостью поглядела на него Арина. – А звонить друг другу – это им слабо? Ладно, как скажешь. Давай последим за этим типом. Но только учти: если в том фильме взрывали самолет, то это не значит, что нельзя в сходных условиях взорвать и аэропорт!

– Типун тебе на язык! – пробурчал Кирилл. – Но этот дядька не похож на камикадзе, а значит, до тех пор, пока он находится в поле нашего зрения, никакого взрыва быть не может, верно?

– Ну, предположим, – с сомнением протянула Арина. – Он и правда еще здесь, вон, внизу ходит... Секундочку! Что это с ним?!

Они сидели как раз у ограждения и поэтому все, что происходило внизу, на первом этаже, прекрасно видели. Поскольку народ в основном толпился на лестнице около буфета, внизу было практически пусто. Человек пять, не больше. Одним из этих пяти оказался «толкач». Он стоял, покачиваясь с пятки на носок, задумчиво глядя в пространство. Потом изменил амплитуду колебаний и принялся качаться из стороны в сторону. Затем вдруг рухнул на колени и неуклюже завалился на бок. Голова его моталась из стороны в сторону, а руки и ноги молотили по полу. Видевшие это люди замерли, недоумевающе и испуганно уставившись на «толкача». Он нещадно бился о пол, а из его рта вдруг поползла пена.

– Припадок! – закричал кто-то. – Звоните в «Скорую»!

Теперь и сидящие на втором этаже заметили, что происходит. Интерес к халяве был на какое-то время утрачен, все прихлынуло к перилам и жадно таращилось вниз.

– Падучая, – пробормотал кто-то над ухом Кирилла. – Эпилепсия! Точно говорю, я такие штуки уже видел. Бедолага!

– Хорошо, что рейс отложили, – раздался женский голос. – А если бы с ним это в самолете случилось? Там же ни врача, ничего! А тут...

«А тут» происходило следующее. Осанистый парень со значком «Служба безопасности» на лацкане пиджака, стоявший доселе у дверей со скучающим видом, поспешно направился к «толкачу», что-то быстро говоря в мини-рацию. Буквально через минуту в зале появились мужчина в темном костюме и еще один охранник со значком. Парни без особых усилий подхватили «толкача» под руки и поволокли к выходу. Мужчина в темном костюме поднял голову, увидел нависших над перилами пассажиров и напряженно улыбнулся.

– Господа, пожалуйста, не напирайте на перила! – крикнул он. – Если рухнет, больно будет падать.

Какое-то мгновение все стояли оцепенев, потом разом отхлынули назад.

– Спасибо! – выкрикнул человек в костюме и удалился. И это были все комментарии, которых удостоилось случившееся событие.

Из заключения экспертизы по идентификации предъявленных документов

«...Согласно заключению экспертов, оттиск печати на загранпаспорте на имя Шевелевой М.М. 44 № 1933107, который, по данным УВД, значится как утерянный, поставлен с использованием двух печатей. Та часть оттиска, которая имеется на бланке заграничного паспорта 44 № 1933107, проставлена с той же печати, что и представленный образец оттиска печати «Для заграничных документов УВД – 230». Та часть оттиска, которая имеется на фото, не соответствует образцу, то есть проставлена с другой печати. Фотография на паспорте не является первичной. Имеются следующие признаки ее переклейки: наличие под ней на бланке приклеенных остатков белой бумаги, не принадлежащих вклеенной фотографии; частичное повреждение защитной сетки листа бланка, образованное в результате обрыва поверхностного слоя; монтаж печати, полученный в результате переклейки фотографий.

Фотография на загранпаспорте Шевелевой М.М. принадлежит Каретниковой Л.А. Подпись на бланке проставлена рукой Шевелевой М.М.

Выводы по экспертизе загранпаспорта на имя Чепыжиной В.А. с наклеенной фотографией Волковой Т.Н. и загранпаспорта на имя Кулик И.Ф. с наклеенной фотографией Свербеевой А.П. аналогичны вышеизложенным».

Александр Бергер, 28 сентября – 1 октября 200... года, Нижний Новгород

Бюро начинало работать с девяти утра, однако его открывала секретарша директора, а он сам и остальные сотрудники приходили к десяти, некоторые – к одиннадцати. Бергер по натуре своей был ранней пташкой по имени жаворонок и сначала появлялся на работе одним из первых, одновременно с секретаршей или сразу вслед за ней. Из этого девушка сделала ошибочный вывод. Она решила, что скромный и сдержанный Александр Васильевич влюбился в нее и приходит раньше всех потому, что жаждет без помех любоваться ее хорошенькой мордашкой. То, что кабинет Бергера находился в другом конце коридора и, засев там, он выходил только в туалет или если надо было ехать по какому-то расследованию, девушку ничуть не обескураживало. «Стесняется даже смотреть на меня, – убеждала она себя и подружку, которая занималась в бюро компьютерным набором. – Готов на все, только бы одним воздухом со мной дышать! Видела, последнее время еще больше похудел? Сохнет он по мне, сохнет!»

Именно подружка и оказалась сорокой, которая разнесла информацию о робко сохнущем Бергере по всему бюро. Больше всех этой вести удивился он сам. Кем-кем, но влюбленным в пустую болтушку он себя совсем не ощущал. Он даже не считал ее хорошенькой! Впрочем, Бергер не был ни знатоком женщин, ни тонким ценителем их красоты. У него случались иногда, раза два-три в месяц, встречи с замужней дамой, муж которой слишком увлекался своим бизнесом и которая искала в объятиях и поцелуях то же, что и Бергер: разрядки от опостылевшей обыденности. Между прочим, именно от этой дамы он и возвращался тем вечером, когда некстати забрел в парк Кулибина. Муж, как водится, уехал в командировку, вот и возник повод для встречи. Оба получили то, что хотели, но и намек на сердечную привязанность между ними не возникло. Никогда не возникало. Вспышка нежности, влечение – и все. И довольно!

Кстати сказать, Бергер вообще думал, что не способен влюбиться. Последний раз он пережил нечто подобное любви к женщине, которая недавно погибла. Более того, он ее никогда не видел живой. Только фотографии, какие-то видеозаписи. Он влюбился в образ, который составил себе из разговоров с ее двумя мужчинами.

Один ревниво, злобно любил ее, другого невыносимо, смертельно любила она – и оба равно постарались довести ее до самоубийства. Нет, не по злобе! По любви! Бергер ревновал, жутко ревновал ее к обоим. Конечно, у него это была не настоящая любовь, да и не вполне нормальная ревность. Он просто завидовал тем, кто способен на самозабвенное, безрассудное чувство, презирал себя за суровую рассудочность, тайно мечтал сделаться объектом такой же невероятной любви, а главное, хотел влюбиться сам – чтобы голову потерять, чтобы ночей не спать, мучиться, плавить лбом оконное стекло, «с простынь, бессонницей рваных, срываться, ревнуя к Копернику...» совершенно так, как писал ныне сосланный в забвение Маяковский, которого Бергер почему-то очень любил. Не за это: «Пулей в гущу по оробелым!» – а вот за это: «Хотите, буду от мяса бешеный? И, как небо меняя тона, хотите – буду безукоризненно нежный, не мужчина, а облако в штанах?»

Но отнюдь не секретарша директора бюро могла возбудить в нем такое чувство. Поэтому, чтобы смикшировать возникшее недоразумение, Бергер начал приходить на работу попозже: к десяти, а то и к одиннадцати. «Брошенная» секретарша сначала дулась на него, а потом, по присущей всему ее полу и ей лично добродушной легкомысленности, переключила свои ветреные чувства на другого «жаворонка».

После приключения в парке Кулибина Бергер не мог уснуть чуть ли не до четырех часов. Все думал, думал, гнал дурные мысли, ворочался, ругал себя, свою жизнь и нелепую судьбу... Наконец он уснул – и открыл глаза только в половине одиннадцатого. Пережив мгновение острого стыда за свою сонливость, вспомнил, что сегодня – суббота, а значит, выходной. И завтра выходной!

Оба эти дня он провел в Семенове, где у него была служебная квартира. Теперь ее надо освободить – ведь Бергер окончательно перебрался в Нижний. Он разбирали вещи, кое-что крайне необходимое уложил в сумку на колесиках – поднимать тяжести ему пока что возбранялось врачами. Слушал любимого Чайковского (у него была хорошая подборка дисков и отличный проигрыватель), думал. Не о любви думал, хотя музыка располагала мечтать именно о страсти нежной. Думал о погибшем Симанычеве.

Разгадка его смерти была для Бергера очевидна. Зарвался мужчина (наверняка вскрытие обнаружит следы алкоголя), слишком увлекся, напористо перешел в наступление. А женщина не была готова к таким маневрам. Не готова сдаться! Испугалась – и брызнула ему в лицо из газового баллончика. Бергер слышал о таких случаях непреднамеренного убийства: у жертвы либо аллергический криз – ну, аллергия у него на перец, к примеру, – либо приступ астмы. Девушка убегает, даже не узнав, что превысила пределы необходимой обороны... Почти наверняка то же было и здесь.

Почти наверняка... Смысл слова «почти» заключался для Бергера в том, что хозяин Финта видел высокую женщину с пышной прической. Именно на такую женщину Симанычев с ненавистью смотрел в театре. Хотя... не факт, что это она. Может быть, совпадение. Мало ли непричесанных женщин на свете! В любом случае, судя по тому, что рассказывает хозяин Финта, она защищалась от Симанычева. Надо же, с виду такой спокойный человек, а до чего страсть довела! Нет, наверняка он сильно выпил, вот и...

Может быть, оттого, что не был занят никаким конкретным делом и голова томилась от бездействия, Бергер никак не мог отделаться от размышлений о Симанычеве. Так голодный пес снова и снова грызет давно обглоданную косточку, желая обмануть пустой желудок. Бергер пытался обмануть изголодавшийся по работе разум, снова и снова вспоминая о Симанычеве. Снова и снова мысленно проигрывая ситуацию: вот женщина вырывается что было сил (в пылу борьбы барсетка отлетает в сторону), потом брызгает охамевшему кавалеру в лицо из баллончика, отскакивает и убегает... возможно, в ярости или просто случайно поддав барсетку носком так, что она отлетает на газон, откуда ее и притащил Финт.

Вряд ли она намеревалась ограбить Симанычева. Деньги на месте, паспорт... Да и барсетка была закрыта на «молнию». Или нет? Он не мог вспомнить, как ни старался. Хотя... какая разница?

И все-таки он никак не мог успокоиться. Вдруг его осенило, что в этой барсетке чего-то не хватало – чего-то, что непременно должно было в ней оказаться.

Чего?! Бергер не мог вспомнить. И перестать думать не мог. Честно говоря, дошел до такой дури, что, вернувшись на электричке в Нижний, сел на вокзале не в 34-ю маршрутку, которая подвозила его прямо к дому, а с пересадками добрался до улицы Горького и снова прошел через парк Кулибина. Не сразу нашел ту аллею, а когда нашел, только головой покачал, увидев на асфальте очерк человеческого тела, нарисованный мелом. Ага, значит, после его ухода опергруппа раскачалась-таки, дело закрутилось как надо! Вот и славно, вот и не о чем беспокоиться, можно обо всем забыть до получения повестки от следователя. Теперь есть у кого болеть голове как насчет открытой или раскрытой барсетки, так и насчет всего остального.

Бергеру и в самом деле удалось отвлечься от мыслей о Симанычеве – но только до утра понедельника. Потому что первое, что он увидел в вестибюле здания, где по соседству со множеством других офисов располагалось их бюро, был портрет Симанычева. Большая

фотография в черной рамочке на фоне белого листа сразу привлекала внимание. Текст внизу: Симанычев Геннадий Валерьевич, трагическая гибель вырвала из наших рядов... нормальная формулировка, и очень верная, кстати сказать; незаменимый сотрудник, верный товарищ, замечательный человек... выражаем соболезнования родным покойного. Про семью ни слова, наверное, Симанычев был одиноким. Кстати, вчера, перелистывая паспорт, Бергер не обнаружил ни штампа о браке, ни вписанных в документ имен детей, но вспомнил об этом только сейчас.

Вот те на, удивился Бергер. Значит, они работали в одном здании. Теоретически вполне могли бы столкнуться на лестнице, в лифте, в вестибюле, в одном из трех расположенных на первом этаже кафе, а встретились в оперном театре. Забавно.

Слово было не то, конечно, оно совершенно не подходило к ситуации, и Бергер почувствовал мимолетный прилив стыда. Интересно, где он работал, Симанычев? В объявлении о его смерти это, конечно, написано, но разглядеть мелкие буквы близорукий Бергер издалека не мог, а подходить ближе и прикипать носом к траурному плакату было как-то неловко. Вдобавок у фотографии все время толпился досужий народ: смерть – штука привлекательная.

Бестолково потоптавшись, Бергер подошел к газетному ларьку. Продавцом здесь был высокий и красивый усатый дяденька с замашками кадрового кагэбиста. На самом деле он был не сыскным псом, а морским волком – точнее сказать, речным. Служил некогда капитаном на судах типа «река—море», ходил из Нижнего напрямик через Волго-Дон аж в Турцию. Выйдя на пенсию, все так же крутился на речфлоте, ну а по осени, когда навигация заканчивалась, пристраивался продавать газеты в этом здании бывшего проектного института. Бергеру дядька очень нравился, может, потому, что был тоже наполовину немец, а может, просто своей поджарой и молодежавой статью: не скажешь, что человеку да-авно за семьдесят! Именно поэтому Бергер про себя называл симпатичного капитана «железный Генрих», как в сказке братьев Гримм.

– Гутен морген, Генрих Францевич, – сказал Бергер. – Гутен морген!

– И вам того же, – кивнул капитан. – Хотя какой уж тут морген? Уже до абенда недалеко! Долго спим, молодой человек!

Генрих Францевич называл так всех мужчин младше его, ну а женщин, вне зависимости от возраста, – барышнями.

– Ничего, наша вахта не нормированная, отстоим как-нибудь, – усмехнулся Бергер, вынимая из кармана пятак. – «Комсомолка» субботняя еще осталась? Отлично, дайте номерок. А что тут случилось, не в курсе? – кивнул он на портрет. – У кого покойник?

– Городская жилищная инспекция понесла невосполнимую утрату, – без малейшего оттенка иронии произнес «железный Генрих».

– Понятно, – кивнул Бергер, забирая газету. – Ну, спасибо за информацию.

И он повернулся уйти, как вдруг «железный Генрих» проговорил – негромко, как бы про себя:

– Вовремя ушел человек.

– Куда? Кто? – не понял Бергер, глядя на дверь, однако «железный Генрих» смотрел на портрет Симанычева. – Вы о нем? Он ушел вовремя? В смысле, умер вовремя? Почему?

«Железный Генрих» смотрел хитровато. Он что-то знал – мужик был наблюдателен, а стоя с утра до вечера в вестибюле этого человеческого муравейника, многое можно увидеть! – и очень хотел поделиться этим знанием: ведь с возрастом страсть к осмыслению и оценке человеческих слабостей, именуемая в народе желанием посплетничать, обостряется не только у женщин. Однако пока молчал и шурил глаз.

Бергер понял, что «железный Генрих» нуждается в поощрении. Он снова поглядел на разложенные на прилавке газеты и взял сборник скандвордов. Сам Бергер их не выносил, считал порождением не интеллекта, а дури, но скандворды любила та женщина, с которой он

иногда встречался. К ее слабостям он относился снисходительно, а потому иногда покупал ей такие газетки.

Отсчитывая сдачу, Генрих чуть наклонился вперед и сказал:

– Говорят, несчастный случай. Где там! Покончил с собой мужик.

Бергер про себя знал, что он человек не то чтобы не эмоциональный, но очень сдержанный. И не раз знакомые говорили, что по выражению его лица «ну ничего не поймешь»! Однако сейчас, кажется, все его эмоции так и отразились на лице, что вполне понятно. Ведь чем-чем, а самоубийством происшествие в парке Кулибина никак не могло быть!

Его откровенное потрясение произвело на «железного Генриха» самое благоприятное впечатление. Капитан просто не мог не удовлетворить такое любопытство, а потому сказал:

– О мертвых или – или, это конечно... Только он наверняка узнал, что сегодня их с поделником брать придут. С поличным. Понял, что карта бита, – и застрелился. А ведь говорят, нету нынче понятия о чести. Все же, видать, есть, потому что теперь похоронят его как честного человека, а не как вора и преступника.

– А он застрелился? – спросил недоверчиво Бергер.

– Ну, в петлю полез, какая разница? – философски рассудил «железный Генрих». – Главное – был человек, а теперь нету. Раньше у него хоть и мало было денег, зато жил. А теперь стало много – но на что они ему? В гроб с собой не возьмешь, а если возьмешь, на что потратишь?

Определенная мудрость в этих словах была, ничего не скажешь, однако версия о самоубийстве не выдерживала никакой критики. Но спорить Бергер не стал, предпочитая слушать.

Как и многих сдержанных людей, капитана трудно разговорить, зато потом его словоохотливость не знала удержу. Покупателей не было («Покупатель на свежака клюет, а в понедельник какой свежак?») – объяснил безлюдье Генрих, бывший, как всякий мореман, заядлым рыболовом), и Бергер получил информацию в считанные минуты и по полной программе.

Что выяснилось?

Должность Симанычева называлась «специалист Государственной жилищной инспекции». Он и еще один такой же специалист, по фамилии Грицук, должны были контролировать эксплуатацию жилых помещений. В том смысле, чтобы эти помещения не использовались самовольно под офисы и склады, а также чтобы не велась их самодельная перепланировка. Поскольку нарушения в этой области встречаются на каждом шагу, Симанычев и Грицук должны были их выявлять и пресекать, руководствуясь в своей работе должностной «Инструкцией главного специалиста отдела текущих инспекционных проверок» и законом «Об административной ответственности юридических лиц за правонарушения в жилищной сфере Нижегородской области»...

– Доннер веттер! – восхищенно перебил Бергер. – Вот это да! Откуда такие слова знаете?!

«Железный Генрих» лукаво прищурился в своей излюбленной манере:

– А у меня дочка в этой шарашке работала. Она меня и подковала теоретически.

– Работала? – повторил Бергер. – А теперь?

– Теперь ушла.

– Почему?

– Надоело от взяток отмахиваться, – хохотнул «железный Генрих». – Куда ни придет с проверкой, кругом нарушения. Сплошь да рядом в квартирах фирмы пооткрывали, стены снесли, то да се. Домоуправление якобы не в курсе, разрешения из Горинспекции, конечно, нет. Начинает оформлять нарушение, штраф (а это от пятидесяти до ста минимальных окладов!) – и тут ей конвертик суют: типа, может, договоримся, девушка? Не за пятьдесят мини-

малок, а максимум за десять? И все будет тип-топ... Дочка раз отказалась, навесила штраф, другой, третий, потом ей кто-то позвонил на работу и сказал: будешь на принцип идти, мы тебя подставим под статью так, что не отмажешься. Или играй по правилам, или уходи к чертовой матери. Она и ушла. Я сначала разворчался: слабость, мол, проявила, где твоя принципиальность и честность, открыла дорогу взяточникам, – а потом утихомирился. Не женское это дело, я считаю, на тропу войны ступать.

– Не женское! – от души согласился Бергер, который всю жизнь пребывал в уверенности, что сила женщины – в ее слабости. – Правильно ваша дочка сделала, что ушла. Кстати... а кто ей звонил, как вы думаете?

– Небось так же думаю, как и ты, – снова прищурился Генрих. – Кто-то из своих, из того же отдела. Им такие принципиальные барышни – как собаке кость в горле. Вот и выжили ее. Спасибо, хоть предупредили сначала, не сразу войну начали. А то ведь могли бы... – Он махнул рукой.

– Могли бы, – кивнул Бергер. – Что да, то да... Ну хорошо, а дальше что там про Симанычева и этого, как его, Кравчука?

– Грицука, – поправил с ухмылкой капитан. – Хотя ты прав, молодой человек: Кравчук, Грицук – одна сатана, гоп, мои гречаники!

Здесь надобно отметить, что полунемец «железный Генрих» был ярым шовинистом, однако не германским, как следовало бы ожидать, а русским, вернее, великорусским и к младшим братьям-славянам относился даже не свысока, а просто наплевательски. Между прочим, ничего удивительного в этом нет, называл же прусский император Фридрих нашу Екатерину Великую «более русской, чем сами русские». Так что прецедент имел место быть в истории... Между прочим, Бергер «страдал» тем же великорусским шовинизмом, поэтому они с «железным Генрихом» так легко и находили общий язык.

– Да, так вот, – продолжил капитан. – В отличие от моей дочки, эти ребята сразу стали играть по правилам. Приходят в какое-нибудь ООО «Воин», или в «Канц-опт», или, к примеру, «Фортуна-тревел», или к частному предпринимателю... Короче, промышляли они этим делом без малого год, как я себе представляю, а потом забрели в ООО «Полиграфсервис». Обосновался этот самый сервис в одной квартирке на улице Бекетова, а перепланировали ее, сам понимаешь, без разрешения. Однако директриса этого самого ООО уже подала документы в Горжилинспекцию, чтобы разрешение ей дали. Просто малость не утерпела, поспешила. Симанычев начал грозить штрафом, а она ему и говорит, что дело практически решено. Ему бы отступить, дураку, а он зарвался. Видать, деньги нужны были. И начал врать: ваши-де документы не приняты к рассмотрению, вам без меня не обойтись. Так что вынь да положь три тысячи.

– Фу, – пробормотал Бергер. – Стоит ли мараться из-за такой мелочи?

– Курочка по зернышку клюет, – рассудительно сказал «железный Генрих». – И запросы у всех разные. Ну вот... эта барышня говорит: сейчас не могу, давайте завтра или послезавтра. А дело было утром в пятницу. Договорились встретиться в понедельник, но, как только Симанычев за порог, барышня мигом в отдел борьбы с экономическими преступлениями. Они ей дали меченые деньги, намылились ехать на Бекетовку, в «Полиграфсервис», а утром ба-бах, всех как громом по голове: Симанычев-то погиб...

– Да нет, вряд ли, – осторожно возразил Бергер. – Откуда бы он мог узнать, что готовится подстава?

– Но ведь я откуда-то узнал? – снова прищурился «железный Генрих».

– Это правда, – покладисто кивнул Бергер. – А откуда вы узнали?

– Дело нехитрое, – хохотнул капитан. – Барышня эта из «Полиграфсервиса» – ее Оля Рыжкова зовут, – она моей дочке подруга. Со школы дружат. Прибежала к нам в пятницу,

вся в слезах, расстроенная – сил нет. Она вроде моей дочери – такая же, в справедливость и порядочность верит. Ну, я ей и дал совет бывалого морского волка.

Да, эта мизансцена просто-таки настоятельно требовала прищуря, и «железный Генрих» сделал все, что мог.

– То есть это вы ей посоветовали пойти в милицию! – догадался Бергер.

– А кто ж! – кивнул «железный Генрих». – Однозначно я.

– Но все же, кто мог предупредить Симанычева? Одно из трех: или вы, или кто-то из милиции, или сама Рыжкова. Но, по-моему, все три варианта исключены, так?

Теперь «железный Генрих» не прищурился, а нахмурился. То есть задумался.

Как ни жаль было Бергеру разбивать светлые иллюзии этого идеалиста насчет защиты чести и достоинства, но деваться некуда.

– Кроме того, – сказал он, – если Симанычев был предупрежден, он мог просто не брать деньги у Рыжковой. Я не я и бородавка не моя, как Том Сойер говорил. Сделал бы вид, что у них никакого договора не было. Это ведь проще простого! Еще бы и скандал устроил для правдоподобия: вы меня оскорбляете, я не взяточник. То да се в этом роде. И жив остался бы, и всех с носом оставил. Логично?

– Логично, – после секундного раздумья согласился «железный Генрих». – И что ты этим хочешь сказать? Типа, в самом деле «трагическая случайность» произошла и все такое, как в том некрологе написано? – Он кивнул в сторону траурного плаката.

– Думаю, да, – ответил Бергер, нарочно говоря так уклончиво. Он знал приметливость и въедливость «железного Генриха». Почует, что собеседник что-то знает, – и не отпустит. Хочешь не хочешь, а все ему выложишь. Вот бы кому допросы снимать. Хватка у него правда что железная.

– Может быть, может быть... – протянул капитан. – Значит, все же умер как подлец. Жалко. Зря Оленька нервы мотала, в милицию бегала. А уж волновалась как! Одышка началась!

– От волнения одышка? – поразился Бергер. – Она что, больна?

– Да какая больная, просто толстушка, ну и задыхается чуть что.

– Толстушка? – насторожился Бергер. – А рост?

– Высокий рост, – не без удивления ответил «железный Генрих». – Тебе-то какая разница? Посвататься собрался? Напрасно, она замужем. Муж сейчас в командировке, поэтому она к нам за советом прибежала. И так плохо, ты знаешь, ей стало, что пришлось аж «Скорую» вызвать. Сделали укольчик, а потом мы ее домой, конечно, уже не отпустили. Переночевала у нас, а утром мы все втроем, она, я и дочка, пошли в милицию.

– Понятно... – рассеянно кивнул Бергер.

Возникшая было в мозгу картина того, как высокая толстушка Рыжкова расправляется со взяточником и вымогателем Симанычевым в парке Кулибина, исчезла. Во-первых, Рыжкова находилась под присмотром «железного Генриха», а мимо него и муха не пролетит. Во-вторых, за каким чертом ей предупреждать Симанычева о начале военных действий?!

Кстати, насчет одышки... Интересная мысль. Может, у Симанычева была астма и что-то спровоцировало ее приступ? Но у него не оказалось с собой спасительного баллончика, вот и задохнулся.

Вряд ли, тут же сам себе возразил Бергер. При астме не возникает такой отек Квинке², какой он наблюдал на лице Симанычева. Это типичная реакция аллергика.

– Генрих Францевич, а у вас есть «СПИД-Изюминка»? – подбежала к киоску какая-то «барышня» в чисто символической юбочке. «Железный Генрих» просиял и начал доставать газету.

² Глобальный отек лица, возникающий при приступе аллергии.

Пользуясь этим, Бергер быстро простился и пошел в свой кабинет, размышляя над придурью некоторых людей. Причем подавляющего большинства. Понятно, что название газеты «Speed-Изюминка» не содержит ничего неприличного, ибо Speed – это скорость по-английски. Но звучит-то как?! СПИД-изюминка... Какая, к черту, в СПИДе изюминка может быть?!

Интересно, задумывался над этим кто-нибудь, кроме Бергера, или нет? А еще интересно, раскопает ли следователь, который будет вести дело об убийстве Симанычева, информацию о том, что он был взяточником, а значит, очень многие имели на него большой и острый зуб? И все-таки... все-таки, открыта была барсетка Симанычева, когда ее нашел Финт, или нет? И если открыта, не выпало ли из нее что-нибудь важное для следствия? И догадались ли эти веселенькие ухари, которые изображали из себя опергруппу, осмотреть газоны?

Размышляя так, Бергер поднялся на третий этаж, дошел до двери с табличкой «Городское бюро юридической поддержки», взялся за ручку – и вдруг повернулся, сбежал вниз, проскочил мимо удивленного Генриха, с крыльца махнул такси и помчался в парк Кулибина. Битый час он таскался по раскисшим газонам, цеплял на туфли комья грязи, перепачкал брюки, но не нашел ровно ничего, что затронуло бы его внимание. Выходило: а) оперативники обшарили газоны и нашли что-то важное, но Бергеру не оставили, а забрали с собой; б) обшарили газоны, но ничего важного там не было; в) про газоны они забыли, но там все равно ничего важного не имелось; г) газоны не обшарили, важное было, но или оказалось унесенным ветром, либо его подобрал случайный прохожий; д) барсетка была изначально закрыта, поэтому выпасть из нее ничего не могло, а значит, и искать на газонах ничего не стоило ни опергруппе, ни Бергеру.

Ломая голову, который из этих пяти пунктов выбрать, Бергер вернулся на работу, еще больше изумив «железного Генриха». Но, по счастью, у киоска стояли покупатели, и допроса с пристрастием продавец Бергеру не учинил.

Катерина Дворецкая, 9 октября 200... года, Париж

Я стою у окна и смотрю на окна противоположного дома, расположенные как раз напротив наших. Улица узкая – движение только одностороннее, – поэтому кажется, что окна совсем близко. Все семиэтажное просторное современное, каких в этом районе очень мало, здание занимает одна фирма. Называется она СА «Кураж». Что такое СА, я не знаю, наверное, тут не обошлось без слова «компания» – *compagnie*, ну а дальше – бог его ведает. Надо бы спросить у Маришки, а впрочем, какая мне разница, кто и на чем делает тут деньги? Вывески, подобные той, что я видела около входной двери, встречаешь на парижских улицах то там, то сям, из чего можно сделать вывод, что СА «Кураж» – вполне процветающая фирма. Между прочим, этот же вывод можно сделать и потому, что все в нашем доме вынуждены спать с задернутыми шторами.

Вы полагаете, что между процветанием этого «Куража» и нашими шторами нет никакой связи? Напрасно так думаете! Знаете, сколько стоит во Франции электричество? Нет? Я тоже не скажу точно, знаю только, что очень дорого. Так вот, в этом СА «Кураж» всю ночь горит свет. Одни кабинеты освещены полностью, в других света нет, но включены компьютеры, экраны светятся разнообразными заставками. Но и в этих комнатах в пять утра, когда приходит уборщица, включают большой свет. Ослепительно яркие лампы! Без штор, короче, уснуть невозможно. Здесь их шьют обычно очень тяжелыми, на плотной подстежке, потому что улицы очень ярко освещены по ночам. Благодаря этим шторам в комнате воцаряется блаженная темнота – хоть глаз выколи! Но я нарочно раздергиваю их и впускаю в комнату свет. Потому что Лизок не может уснуть в темноте, боится ее и не любит. А ее сон – слишком редкостное удовольствие, чтобы можно было относиться к нему пренебрежительно и не ценить каждую его минуту. Ради того чтобы усыпить малышку, я сама готова спать при свете.

Кстати, признаюсь, что это не так трудно, как казалось раньше. Между прочим, раньше меня жутко раздражал малейший шум! Парижские улицы ночью куда более шумны, чем, к примеру, нижегородские. С другой стороны, это вполне понятно: что такое Нижний и что такое Париж! Но до недавнего времени я могла спать здесь только с затыкалочками для ушей. И стоило ночным прохожим погромче заговорить или промчаться мотоциклисту, как я просыпалась, а потом долго-долго не могла уснуть.

Ха-ха! Все это в прошлом. Теперь я не обращаю внимания ни на что. Как принято выражаться, мне все по фигу: и назойливый свет, и пьяные крики на улицах. Вообразите себе, это имеет место быть и в Париже; правда, муж моей сестры уверяет, что так дурно ведут себя не парижане, а исключительно приезжие: поляки и русские, а также хохлы. В крайнем случае – негры или арабы. Но не настоящие парижане, нет! И даже если бы все парижские рокеры устроили под окнами демонстрацию на своих мотоциклах, я бы все равно спала сном младенца. То есть до тех пор, пока этот самый младенец спит, потому что Лизок очень часто путает ночь и день. Слишком часто!

Когда же я приехала из Нижнего? Десять дней назад. И за это время ни разу не спала больше четырех часов подряд. Да ладно, сон – это еще не самое главное в жизни. Куда важнее то, что у меня теперь есть Элиза – то есть Елизавета, Лизонька, Лизок!

У меня? Вернее сказать, у нас. Все-таки у нее имеются свои мама и папа, а я – всего лишь незамужняя тетушка. В свое время у меня была Элинора, а теперь я как бы подхватила ее эстафету. Хотелось бы стать для этой маленькой-премаленькой девочки тем, чем была для меня Элинора. Хотя нет, пусть она никогда не узнает, каково это – жить нелюбимой родителями и ненавидимой собственной сестрой-близнецом. А уж как я сама не любила себя! До

тех пор, пока не познакомилась с близняшкой. Тогда вся моя ненависть к себе перешла на нее. Мое второе «я», что поделаешь! Лучше я буду ненавидеть это второе «я», чем первое, то есть себя...

К счастью, Лизонька родилась без этого довеска – близнеца. Она – любимая игрушка своих родителей, а заодно – моя. Причем моя даже больше, чем их, потому что Морис с утра до вечера на работе, а Маришка доучивается в своей Сорбонне. Ей остались всего месяц учебы и четыре последних экзамена. Здесь сессия – какое-то растяжимое понятие, что-то сдают весной, как все нормальные люди, что-то – осенью. Вот получит диплом – и всецело займется семьей. А пока она только кормит дочку и в свободное время помогает мне, а нянчу нашу киску сугубо я. Тетушка. Тант по-французски. Ма тант...

Морис шутливо ворчит, что я балую его жену и дочь. С другой стороны, он сам только и делает, что балует их – и заодно меня. Маришке очень повезло с мужем! Он работает юристом в какой-то огромной строительной конторе и зарабатывает достаточно, чтобы содержать эту нехилую квартиру, семью да еще и потакать своей невинной слабости: любви к антиквариату. В выходные дни он правдами и неправдами вырывается на знаменитый Блошинный рынок и в прочие подобные места, которых в Париже множество в каждом районе. Кроме того, живут мои родственники в квартале Друо, где сосредоточено множество антикварных лавок и часто проходят аукционы. Их Морис тоже не обходит стороной. Благодаря этому его квартира похожа на маленький музей. На стенах множество картин, на каминах, книжных стеллажах, всевозможных полках и полочках, в шкафах выставка всяческой старинной красоты.

В России антиквариат – роскошь, которая доступна только очень богатым людям. Конечно, ведь все уничтожено, разграблено, вывезено за границу. Здесь, во Франции, которую собственные правители не предавали и не продавали никогда, этого добра великое множество, и каждый может удовлетворить свою страсть сообразно кошельку.

Как говорит о себе Морис, он бедный для богатых и богатый для бедных, но на прелестные старинные мелочи ему хватает. Раньше, до встречи с Маришкой, Морис любил только их. Теперь он любит еще и жену с ребенком. Ну, слава богу, что хоть кому-то из нас, сестер Дворецких, повезло в личной жизни... А забавно, что в нашей семье везет на личное счастье только тем, кто выходит замуж за иностранцев. Сначала Элинора, теперь вот Маришка. Не попытаться ли и мне обратиться к «иностранному партнеру»? Это цитата, между прочим, из гороскопа для Девы на этот год: «Вам сделают массу интересных предложений – отдайте предпочтение иностранным партнерам». Звучит заманчиво, однако пока ни предложений, ни партнеров! А впрочем, может быть, где-то на обочине поля моего зрения они и возникали – партнеры и предложения. Но я их просто не замечала, потому что голова моя настолько прочно занята Кириллом, что я и думать ни о ком больше не могу.

Да и в сердце – только он.

Любовь – самое жестокое и безрассудное, что есть на свете. Потому что любишь человека не за что-то, а вопреки. Рассудку вопреки, наперекор стихиям! Мне надо думать о жизни, о семье, о детях, о том, чтобы укачивать не племянницу, а свою родную дочь, мне надо думать о том, что девушке под тридцать негоже терять голову от красивого мальчишки, в котором только и есть, что сногшибательное обаяние, волшебная легкость движений (и легкость мыслей, как я полагаю, ибо мой избранник, боюсь, не отличается ни умом, ни сообразительностью, ни интеллектом!) да черные глаза – самые красивые глаза, которые я видела в жизни.

Ну и что?! Разве это причина, чтобы заикнуться на нелепых, несбыточных мечтаниях? Да он на меня и не взглянет никогда. Сестрице моей пакостной, ничуть не сомневаюсь, удалось бы привлечь внимание Кирилла. Она у нас девушка оторви да брось. В отличие от

меня – унылой зануды, у которой все всегда было разложено по полочкам. И вот – сбилось, пошло вкривь и вкось из-за ненужной, неосуществимой, несбыточной любви...

Встреть я Кирилла, когда мне было восемнадцать-девятнадцать-двадцать, я бы на него и не взглянула бы. Нет, конечно, взглянула бы – но не более того. В юности я презирала таких вот девчачьих кумиров, я была девушка многоумная, занятая учебой, думала только о будущей карьере – ну и о близняшке, с которой я тогда только-только познакомилась и еще надеялась, что мы и впрямь сможем стать близкими людьми. Чтобы понять: это невозможно! – потребовалось почти десять лет... За эти годы душа моя расточилась на сестру, как некое богатство – на неблагодарных нищих. И безрассудная любовь к Кириллу стала для меня лекарством.

Очень действенным. Очень благотворным. И таким сильным, что теперь я погибаю от того, чем вылечилась!

Ну да, ведь разумные люди принимают любовь в гомеопатических дозах. А я нырнула в нее с ручками и ножками, пила захлеб. И вот вам результат...

Между прочим, я уверена: если бы эти мои терзания стали известны каким-то знакомым и друзьям, меня мало бы кто понял. Люди ведь способны поверить только в те чувства, которые испытывали сами. Или в сходные с ними. Именно поэтому почти никто не верит в смертельную любовь, ведь это – удел немногих. Избранных несчастных счастливых. Или счастливых несчастных? Большинство сказал бы, что я с ума от дурости схожу. Казалось бы, живи да радуйся, одинокая, богатая, независимая. Нет же – выдумала себе страдание!

Кстати, а ведь я и в самом деле довольно богата – благодаря благословенной Элиноре. А вот Кирилл, насколько мне известно, перебивается с пятого на десятое, хоть и крутится на двух работах: за институт надо заплатить, одеться, родителям помочь. Оно и понятно! Денег всегда мало! А у меня они есть... Может быть, этим я могла бы прельстить его, упаковавшись в золото-серебро, вернее, разноцветные бумажки. Предложив в изобилии гарнир, который куда ценнее основного блюда!

Мысли бегут, струятся, глаза незряче смотрят на разноцветные экраны компьютеров, а руки привычными движениями покачивают дремлющую Лизоньку. При этом я что-то такое мурлычу, сама не знаю что, прислушиваюсь к своему осипшему голосу:

– Баю-баюшки-баю, баю крошечку мою. Баю-бай, баю-бай, поскорее засыпай... – и то же самое по новой, опять и опять.

Это все, на что я способна в четвертом часу утра. Петы-перепеты – и не по одному разу! – нормальные колыбельные вроде «У кота ли, у кота колыбелька золота», любимые песни типа «Все перекаты да перекаты, послать бы их по адресу!», классика «Спи, дитя мое, усни, сладкий сон к себе мани!» – и даже переложенные на тот же баю-баечный мотив «Доктор Айболит», «Сказка о глупом мышонке» и английские народные песенки в переводе Маршака. В какой-то умной воспитательной книжке я недавно вычитала, что ребенок реагирует не столько на шум, сколько на отсутствие привычного звука. Например, он может спать при громко говорящем телевизоре, но проснется, едва настанет тишина. Очень жизненное наблюдение! Ненаглядная малявка спит только под звуки моих песнопений. Стоит мне умолкнуть, чтобы перевести дух, как она открывает свои хорошенькие глазки и смотрит на меня с таким видом, будто сон и она – понятия несовместимые. Вот уж правда, что сна – ни в одном глазу! И как бы даже устраивается поудобнее на моих руках с нетерпеливым выражением: «Ну давай, пой дальше!» И я пою... Лизок медленно заводит глазки... Я пою и покачиваюсь у окна с ноги на ногу, будто проделываю такую тренировочную танцевальную штуку: в самбе она называется бонсинг. Колени мягкие – прямые, мягкие – прямые... Ну, хоть ноги подкачаю во время этих бессонных ночей.

– Ай баю-баю-баю, баю крошечку мою!.. – почти беззвучно бормочу я, качаюсь и смотрю на компьютеры в окнах напротив. Они светятся разноцветными заставками, кото-

рые я уже выучила наизусть. Вот в этой комнате две ярко-синие, одна красная, две зеленые, одна желтая и одна коричневая. То есть рисунок заставок мне, понятное дело, не виден, я различаю только яркие пятна. А в другой комнате все пять заставок синие с маленькими красными вкраплениями. В соседней, самой большой, – желтых шесть, красных две, синих две, зеленых одна... Стоп! А где зеленая? Непорядок, ребята. Не вижу зеленую! Неужели перегорел компьютер? Или его выключили? Или вовсе убрали?

Радуюсь хоть какому-то развлечению, вглядываюсь в комнату. Нет, все в порядке. Компьютер стоит на месте, он не выключен, просто заставка сменилась. Теперь по темному экрану пробегает белое прямоугольное окошечко. Вверх-вниз, вверх-вниз. Нет, не так. Вверх, вверх, вниз-вниз-вверх... Вверх, вверх, вниз-вниз-вверх...

Мне смешно, потому что это окошечко загорается в ритме танго: слоу, слоу, квик-квик-слоу – медленно, медленно, быстро-быстро-медленно. Симпатичная новая заставка. И смотреть мне на нее гораздо веселей, чем просто на разноцветные пятна.

Как танцует танго Кирилл!.. Вообще в танце это совсем другой человек, не тот, кто строит глазки всем особам женского пола подряд и всюду дурачится, забыв о своем ранге учителя. В танце он даже и не человек вообще, а эмоциональный вихрь, воплощенное движение, сама душа танца!

В принципе, мне, с моей страстью все раскладывать по полочкам, все разлагать на составные части и осмысливать, понятно: узнай я его ближе, разочаровалась бы в нем. Почти наверняка! Но вот в чем штука: я не хочу этого разочарования. Не хочу знать о нем ничего плохого! Одна мечта – снова и снова кружиться в этом вихре чувств: слоу-слоу, квик-квик-слоу...

И дело даже не в моем желании или нежелании. У меня нет никаких шансов узнать его поближе! Наоборот – обстоятельства, словно нарочно, сложились так, что я должна держаться от него как можно дальше. Не встречаться с ним никогда! Идеальный расклад – он в одной стране, я в другой.

Я крепче прижимаю к себе Лизоньку и пытаюсь удержать эти дурацкие слезы, которые, как всегда, тут как тут, стоит мне только начать думать про Кирилла. Но они никак не унимаются, они текут и текут быстро-быстро, квик-квик, и в них расплываются разноцветные экраны за окном. Я еще успеваю увидеть, что тот экран, на котором в ритме танго мелькало белое окошечко, вдруг осветился весь, по нему стремительно побежали какие-то полоски, может быть, столбцы текста, а может, и помехи, – а потом все это окончательно расплывается перед моими глазами.

Несколько минут я судорожно рыдаю, пытаюсь не всхлипывать и давясь слезами, вытирая щеки то об одно, то о другое плечо, чтобы слезы не капнули на лицо Лизоньки. Потом до меня доходит, что она спит – и крепко спит... Наконец-то!

Невесомо, стараясь не ступать на скрипучие паркетины (я их знаю наперечет!), добиваюсь до ее кровати. Маленький беленький шатер с шелковыми розочками наверху. Осторожно укладываю кроху на большое махровое полотенце (моя придумка: чтобы ее не будило прикосновение остывшей простыни), сворачиваю его на манер конвертика, а сверху – легонькое байковое одеялко, привезенное из России. Фром Раша – и правда что виз лав! Западная цивилизация не изобрела ничего теплей, легче и уютней этих наших примитивных одеялок. Все мы под ними спали, все под ними грелись. Хотя видок у него довольно убогий. Честно говоря, только природная тактичность помешала Морису вытаращить глаза при виде моего подарка. Но Лизок не имеет ничего против этого тепленького совкового пережитка. Видимо, и Морис решил считать одеялко антикварным, потому и обошелся без комментариев.

Очень хочется на прощанье чмокнуть малявку в выпуклый лобик, но боюсь ее разбудить. Поэтому осторожно сажусь на свою кровать, которая стоит рядышком, сбрасываю

прямо на пол халат, потом заползаю под одеяло. Сворачиваюсь в комок, но долго еще не могу согреться и уснуть: после слез всегда холодно. Наконец мне становится тепло, сон окутывает меня, как байковое русское одеялко, перед глазами лицо Кирилла сменяется светящимся экраном, по которому пробегают черные строчки... Интересно, как это он сам собой включился – ведь в комнате не было ни одной живой души? И почему включился среди ночи?

Несколько мгновений эта мысль колыхается в моей голове – слоу, слоу, квик-квик-слоу! – и потом сон накрывает меня с головой. На ближайшие четыре часа. Дай бог, чтоб не меньше!

Кирилл Туманов, 28 сентября 200... года, Нижний Новгород

Народ кругом возбужденно галдел. Пассажиры, которые еще не получили свой «сухой паек», торопили задержавшихся за столиками. Те поспешно заталкивали в себя сухомятку. Создалось впечатление, что происшествие с эпилептиком было мгновенно погребено под гнетом обыденности. Кирилл и Арина тоже встали и, протолкавшись сквозь толпу, начали медленно спускаться по лестнице. На последней ступеньке они вдруг замерли и уставились друг на друга.

– Ничего себе... – пробормотала Арина. – Это что, совпадение или?..

– Хороший вопрос, – мрачно протянул Кирилл. – Я бы тоже хотел хоть что-то понять. Если это его телефон и в самом деле... и вдруг припадок... получается, что он очень вовремя «соскочил», да? Теперь самолет улетит без него, и если вдруг...

– Вот тебе и ответ на вопрос, камикадзе ли он. Нет, не камикадзе! Все продумано до мелочей!

– Думаешь, припадок был ненастоящий?

Арина пожала плечами:

– Не знаю. Я никогда не видела эпилептиков. Но как-то все очень странно сошлось!

– Странней некуда, – уныло поддакнул Кирилл. – И что теперь делать?

– Что, что! Все то же! К секьюрити обращаться.

Кирилл ничего не сказал, только уставился на нее молящими глазами.

– Нет, ты все же странный человек! – возмущенно выпалила Арина. – Знать, ну хорошо – хотя бы подозревать *такое* – и промолчать? Взять на себя ответственность за жизнь и смерть всех этих людей? – Она обернулась на толпу, все еще клубящуюся на ступеньках буфета. – Да, смотреть на них тошно, но ведь это все-таки люди, живые люди! Вон их сколько! А главное... главное, ты что – сам камикадзе? Представляешь, если эта штука все же грохнет? Что ты испытаешь? Быстро это произойдет? Медленно? Успеешь ты подумать: «Ну и дурак же я был!»?

Кирилл упрямо набычился. Да все правильно, правильно. И все-таки... Больше всего на свете он боялся оказаться в смешном положении. И пока оставалась хоть малая часть вероятности, что Арина ошибалась или – а чем черт не шутит?! – разыгрывала его, он готов был сопротивляться руками и ногами.

А сопротивляться, что характерно, необходимости больше не было.

– Ну хорошо, – вдруг сказала Арина мягко. – Я понимаю. Ничего страшного, не волнуйся. Я сама все сделаю. Ты... ты вон там постой, в сторонке, а я поговорю с этим господином. – Она указала на человека в темном костюме, который снова появился в зале и теперь разговаривал с охранником.

Если бы она бросала на Кирилла уничтожающие взгляды... Если бы прохаживалась насчет того, что все мужчины боятся брать на себя ответственность... Но эта понимающая, извиняющая – жалостливая! – улыбка ранила гордость Кирилла сильнее, чем любые оскорбления. Все-таки он Лев по гороскопу!

– Ладно, пошли! – буркнул он, не глядя на Арину. – Пошли быстро!

И стремительно, словно боясь передумать, направился к мужчине в темном костюме.

Арина не поспевала за ним на своих каблучицах и наконец отстала.

– Вы из службы безопасности? – напористо, не давая остыть собственной решимости, спросил Кирилл.

Мужчина бросил на него выжидательный взгляд.

– Да. – Он постучал указательным пальцем по табличке на собственном лацкане: «Начальник СБ аэропорта Малютин», а снизу приписано маленькими буквами: «Виктор Сергеевич». – А что? Какие-то проблемы?

– Тот человек, у которого был припадок... – Кирилл с ужасом ощутил, что теряется. – Ну, которого только что вынесли из зала...

– Да, и что с ним? Это ваш знакомый?

– Нет, но...

Кирилл оглянулся, удивляясь, почему молчит Арина.

Вот те на! Да она собирает на полу какие-то вещи. Записная книжка, ручки, расческа, куча мелочей, выпавших из раскрывшейся косметички... Понятно! Сумку уронила. Ну, это надолго. Теперь придется рассчитывать только на себя.

Кирилл торопливо, сбиваясь, рассказал о том, как «эпилептик» украдкой сунул мобильник в сумку «вон той женщины» – махнул на обладательницу бриллиантов и «Нины Риччи». При этом ему все время хотелось уточнить, что он все это не сам видел, что пересказывает с чужих слов, но в последнее мгновение делалось жутко неловко прятаться за женскую юбку, вот и вышло, что он якобы видел все это сам.

Охранник смотрел на Кирилла откровенно вытаращенными глазами, чуть ли не падал от изумления, ну а глаза его начальника Малютина были сурово прищуренными. Отчего-то Кириллу вспомнился режущий взгляд того следователя в парке Кулибина, и настроение, без того испорченное, сделалось совсем поганим. А Малютин и говорит:

– Паспорт ваш можно?

Кирилл, волнуясь, протянул ему паспорт и билет. Малютин их даже не раскрыл – сразу сунул в карман и сказал:

– Костин, ну-ка, проводи молодого человека в наш кабинет. А я деликатно с дамой поговорю, у которой телефончик в сумке очутился...

– Погодите, куда... – начал было Кирилл, но Костин вцепился железными пальцами в его локоть, а Малютин укоризненно сказал:

– Тише, тише. Не надо панику создавать. Я должен зафиксировать ваши показания, сами понимаете. Слишком важное дело. Это недолго, не переживайте. Ваш рейс все равно задерживается, спешить пока некуда. За документы не волнуйтесь, с ними ничего не делается. Пройдите с Костиным и подождите меня. Проводи человека, – приказал он подчиненному. – Да убери оттуда этого придурка куда-нибудь, чтоб глаза не мозолил! Пусть тебе Бузмакин поможет, если что. А вы не волнуйтесь! – Это снова адресовалось Кириллу. – Минуту, не больше!

Он ободряюще улыбнулся ему и двинулся к «Нине Риччи», едва не столкнувшись по пути с Ариной, которая тем временем уже собрала свое барахлишко и, неуклюже прижимая к груди сумку, спешила на помощь Кириллу. Она сразу начала что-то быстро, возбужденно говорить, но Малютин даже не взглянул на нее. Он целенаправленно двигался к «Нине Риччи», сметая на своем пути все препятствия. Арина была просто сдвинута с дороги, как некий неодушевленный предмет.

– Подождите! – возвала она вслед Малютину, но его спина осталась глухой к ее призыву.

А что было дальше, Кирилл уже не видел, потому что Костин вытолкнул его в какую-то неприметную дверку и повлек по полутемному коридору.

Кирилл не противился, с мрачной иронией воспринимая случившееся как некую расплату за вчерашнее бегство из парка Кулибина: против судьбы не попрешь, вчера удалось удрать от милиции, зато не удалось сегодня, так на так и выходит, жизнь штука полосатая.

Успокаивая себя этими нехитрыми премудростями, он покорно шел вслед за Костиным. Коридорчик скоро кончился. Костин своим ключом отомкнул еще одну дверь, и они

оказались в небольшой комнате с черной кабинетной мебелью, сейфом в углу и зарешеченными окнами. Посреди комнаты стоял парень в форме охранника, грозно держа руку на кобуре.

– Здравсьте... – пробормотал Кирилл.

Парень только хмыкнул.

– Бузмакин, пойдй пока восьмой кабинет открой, лады? – сказал Костин, и парень с кобурой медленно, тяжело ступая, направился к двери.

Отчего-то теперь Кириллу стало полегче. Он даже начал оглядывать кабинет, в окошко посмотрел. Снаружи Кирилл увидел стоянку такси, автобусную остановку – окна выходили на площадь при аэропорте. Туда же, наверное, вела и другая дверь – не та, через которую прошли Костин и Кирилл.

Отчего-то при виде обыденной картины за окном – машины, люди, березы, одетые желтой листвой, – Кирилла снова взяла тоска.

Зачем он вылез с этим заявлением про телефон? Черт его за язык тянул?

Но, с другой стороны, а вдруг там в самом деле взрывное устройство? И не дурак ли он был бы, если бы взорвался на высоте сколько-то там километров по собственной дурасти?

Нет, он все правильно сделал. И нечего напрягаться. Начальник сказал – минутное дело. Оно и в самом деле минутное. Кроме того, в зале ожидания Арина осталась, она сейчас все толком объяснит Малютину и...

Его мысли прервало какое-то сопение. Кирилл обернулся и только сейчас заметил, что в комнате, кроме них с Костиным, находится еще какой-то человек. Он забился в угол и сидел, опустив голову на руки, весь сжавшись, вот почему Кирилл его в первую минуту не заметил. Чернявый парень – ему лет двадцать пять, не больше – был вроде самый обыкновенный, и одет прилично – в такую же темно-зеленую куртку, как у Кирилла, нормальные черные джинсы, – но это все как-то отступало на второй план, стоило поглядеть в его лицо. Он был азером, а может, и чеченом – словом, лицом ярко выраженной кавказской национальности, но и это полбеды. Такая злоба плескалась в его больших черных глазах, что Кирилл почувствовал себя жутко неуютно – и откровенно обрадовался, когда Костин, кивнув ему на свободный стул, подошел к чернявому и угрюмо приказал:

– Пошли. В другой комнате посидишь. Давай, топай! Ну!

Голос у Костина был командирский, движения вроде бы уверенные, однако Кирилл мгновенно почувствовал, что он побаивается парня.

Что характерно, чернявый это тоже понял. Он нагло уставился на Костина, расширив свои и без того большие глаза, и что-то негромко спросил.

– Чего? – нахмурился, не расслышав, Костин.

Тот повторил – так же тихо.

– Чего? – чуть склонился к нему Костин, и парень заорал во весь голос:

– В другой комнате что будем делать? В жопу тебе засадить или пососешь? Что тебе больше нравится?

Кирилл ощутил, как его голова качнулась назад, словно от удара в подбородок. А бедняга Костин вообще весь откачнулся, еле на ногах удержался. Шея и высоко подбритый белобрысый затылок его вдруг стали красными: чудилось, кровь вот-вот сквозь кожу брызнет! Кирилл тоже никак не мог прийти в себя. Всякое в жизни слышал и видел, все-таки давно не мальчик, бывало, к нему даже приставали мужики, когда подрабатывал в шоу по ночным клубам, но уж больно грязно, больно мерзко прозвучало все это из уст черномазого!

– Ну, ты договоришься! – с ненавистью выдохнул Костин, наконец-то обретя дар речи. – Еще посмотрим, что скоро запоешь! Пошел, кому сказано! – И он выхватил из-под борта пиджака резиновую «демократку».

Чернявый коротко, хрипло хохотнул, однако больше нарываться не стал и подчинился. Встал, потянулся, заложил руки за спину – этак привычно, равнодушно – и побрел к двери. Однако, проходя мимо стола, не удержался – с чувством, мощно харкнул на столешницу.

– Пададь! – взвыл Костин, ткнув его палкой в спину. – Ну, ты меня достал! Пошел! Я с тобой сейчас поговорю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.